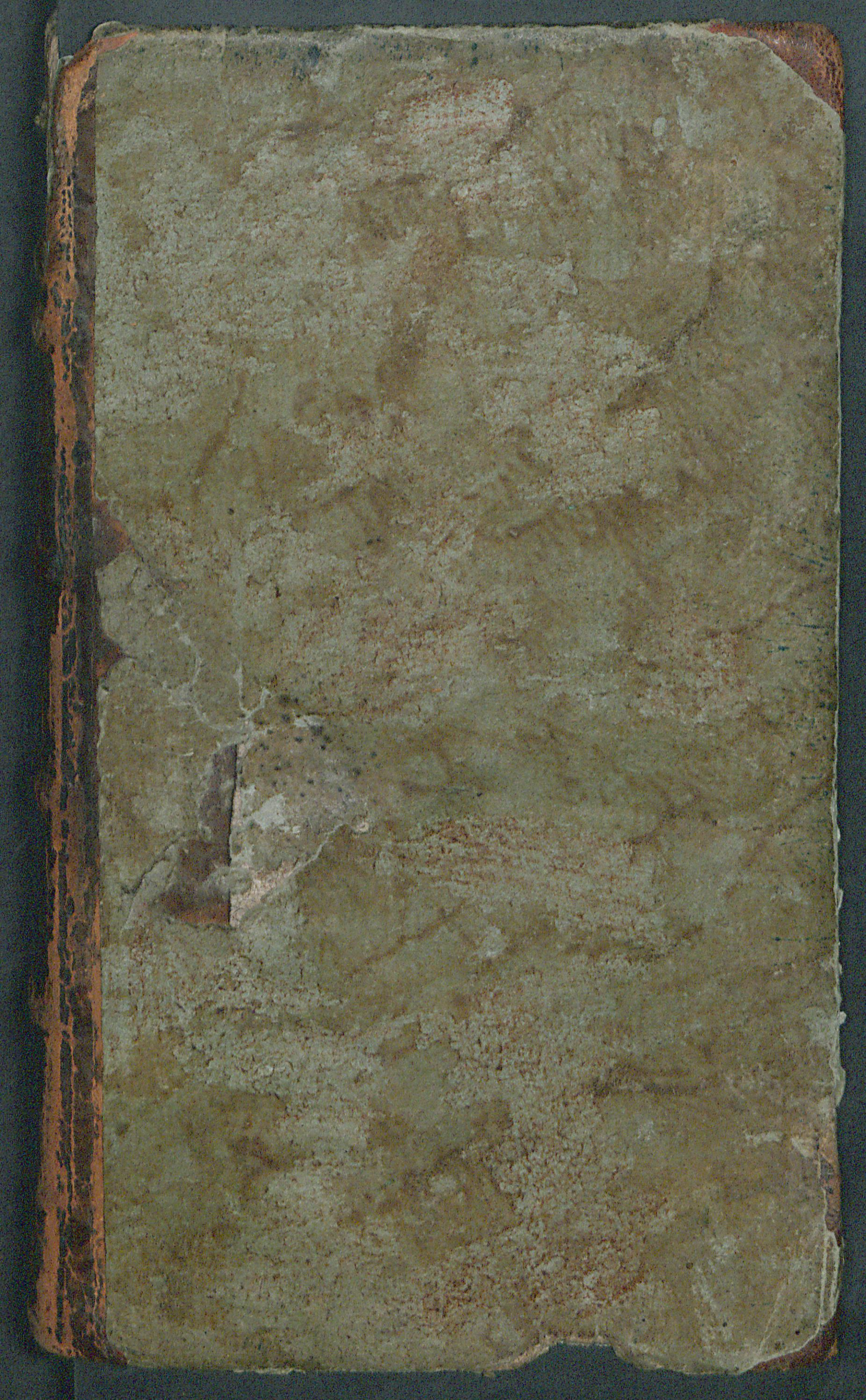
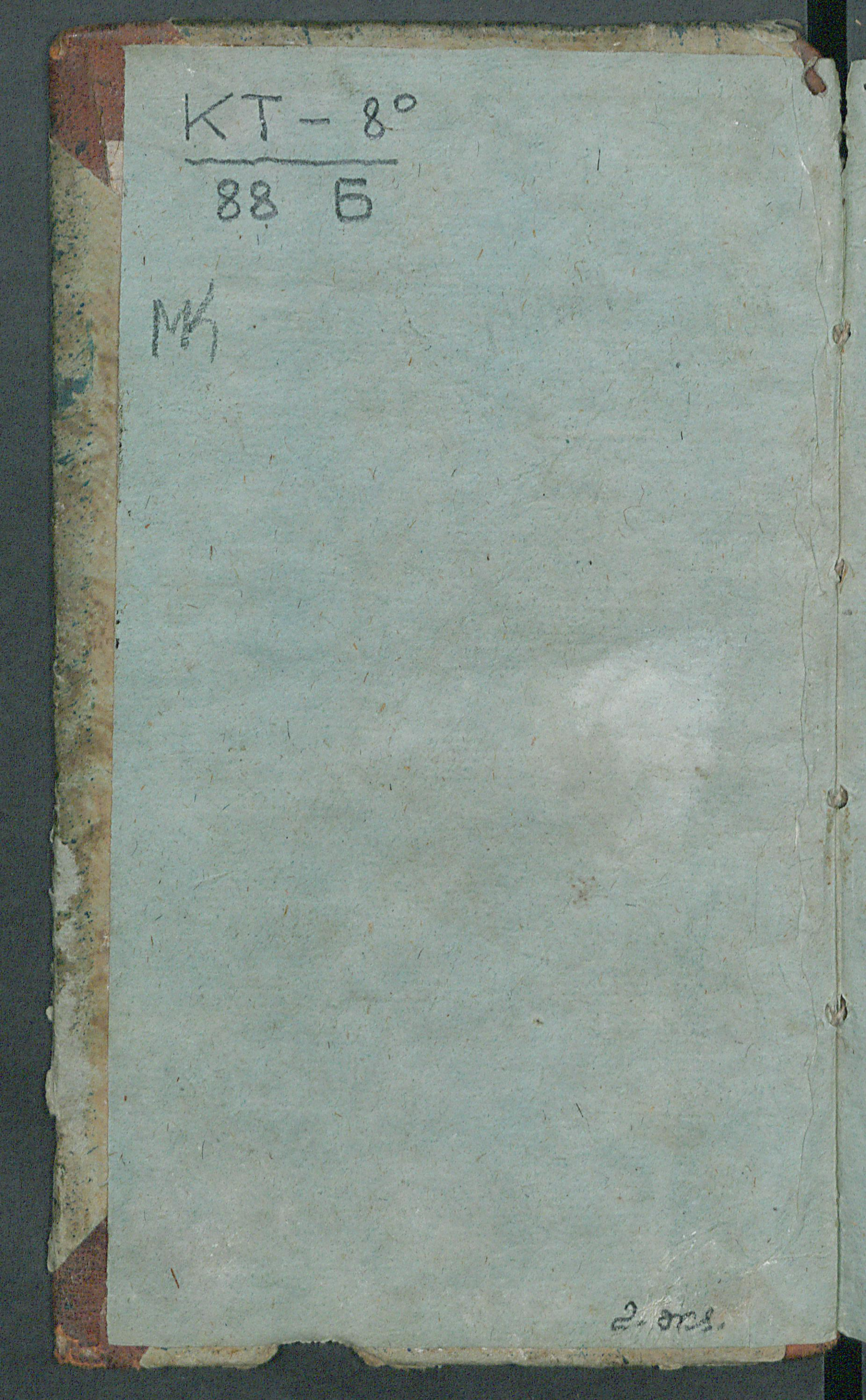
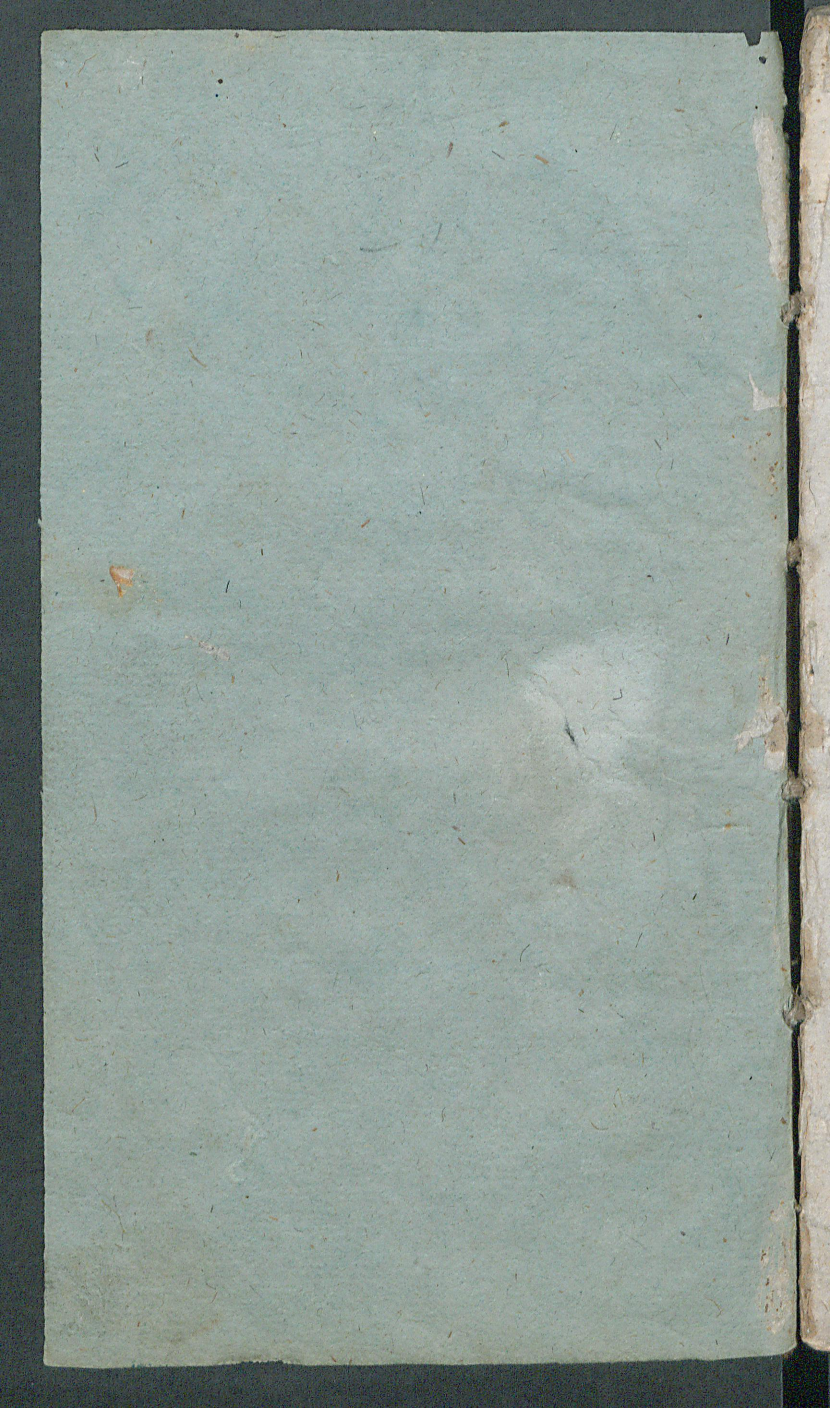

КТ - 8°
88 Б
МК
2 экз.

ЛЮБОВНИКИ ФИЛОСОФЫ,

или

СТРАСТЬ,

ПРЕДВОДИМАЯ РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.

переводъ съ Французскаго.

Частъ перпая.

Изданіе Второе.

МОСКВА,

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,

1788.

ЛЮБОВНИКИ ФИЛОСОФЫ,

или СТРАСТЬ, ПРЕДВОДИМАЯ *РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.*

Часть I.

Любовь есть страсть слѣпая; выборъ которой всегда на удачу бываетъ, ежели разсужденіе не подастъ въ томъ своей помощи.

Мерендоръ и Дамонъ издавна жили въ великой дружбѣ. Мерендоръ, присовокупляя къ виду благородному нравъ снисходительной, справедливое разсужденіе и душу щедрую, подражалъ уставамъ Философіи, заключая въ томъ настоящее благоразуміе. Сіе достохвальное наименованіе Философа украшалъ таками качествами, которыя привлекали отъ всѣхъ къ нему любовь и почтеніе. Стараніе просвѣщать себя, служило ему прі-

итнѣйшимъ упражненіемъ, совершенноежъ познаніе человѣческихъ нравовъ причиною было, что онъ прилѣжно убѣгалъ сообщенія съ ними.

Корень тѣхъ же добродѣтелей произрасталъ и въ Дамоновомъ сердцѣ; только онъ, будучи меньше своего друга Философъ, имѣлъ всѣ свойства быть таковымъ же; но не достигъ еще той степени совершенства, которая Мерендору отъ всѣхъ любовь и почтеніе заслужила. Дамонъ, не зная еще случая испытать владычества страстей, не имѣлъ никакова и оружія къ сопротивленію оныхъ, столь мало разные два нрава могли быть соединенны дружбою; но любовь предуготовляла имъ судьбину по ихъ достоинству такую, которая долженствовала ихъ прославить и обязать еще большею дружбою.

Не далеко отъ дому Дамонова жила одна молодая женщина, которой нѣсколько наружныхъ пріятствъ составляли все ея достоинство (Емилія есть ея имя). Со всѣмъ тѣмъ, что она была въ цвѣтущей молодости, но была коварна, хитра и чрезвычайная кокѣтка. „Сихъ пороковъ довольно бы, кажется, было „для отвращенія Дамона, естьлибъ все-

„днев-

„ дневные примѣры не были намъ свидѣ-
„ тели, сколь много слабости повелѣва-
„ ютъ добродѣтельными людьми! Да-
„ монъ же имѣлъ нещастіе собою то
„ испытать, подвергнувъ себя совсемъ
„ хитростямъ Емиліинымъ.

Мерендоръ не умедлилъ примѣтить, что нравъ друга его перемѣнился. Противность къ наукамъ, въ которыхъ Дамонъ до тѣхъ поръ упражнялся неусыпно, и не столь прилѣжное стараніе быть съ нимъ вмѣстѣ, паче же всего, видъ задумчивой и смущенной, безсомнѣнно утвердили Мерендора, что страстная любовь удаляла отъ него дружеское сердце. Сначала Мерендоръ внутренно извинялъ Дамонову слабость, щитая то ослѣпленіе его къ женщинѣ, одаренной достоинствами; но удивился съ горестію, какъ свѣдалъ отъ самаго Дамона, что Емилія побѣдила его склонность.

„ Какъ! Дамонъ ослѣпленъ кокѣт-
„ кою, упрекалъ онъ его съ огорченіемъ!
„ Могуль я вѣрить твоимъ рѣчамъ, мало-
„ разсудной другъ? Куда дѣвалось
„ твое разсужденіе „? Но тщетно вооружалъ Мерендоръ все свое цѣломудріе и добродѣтель; ибо когда Дамонъ позналъ искренность его наставленій, то не въ

 состо-

состоянiи былъ принудишь себя въ шомъ признашься. И чтобъ свободишься стыда, претерпѣваемаго отъ присутствiя его и упрековъ, сталъ рѣже видѣться съ нимъ; причину чему узналъ Мерендоръ.

„ Убѣгай меня, я согласенъ въ томъ, „ сказалъ ему Мерендоръ, мое спокой„ ствiе столькожъ, какъ и твое зависитъ „ отъ того; мнѣ дорого будетъ стоить „ видѣть тебя упорствующагося въ тво„ емъ заблужденiи; молчать же того не „ въ силахъ буду, и вскорѣ казаться „ тебѣ буду докучнымъ другомъ: но „ Дамонъ, для имени той дружбы, ко„ торой мы всегда подражали. Когда ты „ столько слабъ, что покоряешься легко„ мысленно страсти, вредной сердцу и „ разуму, по малой мѣрѣ сохрани долгъ „ чести. Любовь твоя ничто еще иное, „ какъ слабость, не допускай ея быть „ порокомъ.

Дамонъ болѣе осердился, нежели понравился отъ сего премудраго нравоученiя; повинуясь же своей страсти, сталъ признавать Мерендора безпокойнымъ другомъ, и нечувствительно убѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ только съ нимъ могъ встрѣтиться.

Оба они обыкновенно по нѣскольку разъ въ недѣлю съѣзжались въ домъ къ Ураніи, молодой вдовѣ, отмѣнной въ достоинствахъ и разумѣ. Совершенная похвала произвела между ею и сими двумя друзьями дружество искреннее; сходствомъ же мыслей вседневно оное умножалось. Уранія нечувствительно въ Дамона влюбилась. Любя же его, не надѣялась въ немъ найти такой любви къ себѣ, какую къ нему имѣла; и такъ довольствовалась одною дружбою, которую къ ней онъ являлъ. Дамонъ поступокъ свой съ ней употребилъ такой же, какъ и съ Мерендоромъ. Пересталъ къ ней ѣздить; Уранія стала спрашивать у Мерендора о причинѣ того, которой ей разсказалъ все приключившееся между имъ и Дамономъ.

Безполезно стараться овладѣть сердцемъ нечувствительнымъ, очень прискорбно; но будучи влюбленной видѣть победительницей соперницу, ни съ чемъ несравненно огорченіе: та была судьбина Ураніина; поступокъ Дамоновъ огорчилъ ея, она печаль законную имѣла, видя женщину, достойную презрѣнія, предпочтенну себѣ. „ Дамонъ, неблагодарной „ Дамонъ, говорила она вздохнувъ, не

 „ доволь-

,, довольно того, что ты лишилЪ меня
,, сердца своего, и надобно, чтобЪ я стыдилась
,, той, которая меня лишить
,, могла?

МерендорЪ сомнѣвался уже вЪ любви Ураніевой кЪ Дамону; но не имѣлЪ еще такого яснаго доказательства вЪ той; вЪ сей же случай старался ея однимЪ разсужденіемЪ разговаривать, зная вЪ ней твердость, отличную передЪ прочими женщинами: ,, Уранія, сказалЪ онЪ, пожалѣемЪ о Дамонѣ, внутренно погрустимЪ
,, о ослѣпленіи его, но станемЪ стараться,
,, чтобЪ не смутить и своего духа;
,, естьли онЪ рожденЪ сЪ склонностью
,, добродѣтельной, то онЪ, почувствуя
,, свою слабость, скоро вЪ раскаяніе придетЪ,
,, и обратится кЪ намЪ; естьлижЪ
,, вЪ заблужденіи останется, его забудемЪ.

,, Я разумѣю сЪ какимЪ намѣреніемЪ
,, ты сіе говоришь, равномѣрно какЪ и ты
,, разумѣлЪ мои рѣчи, отвѣчала Уранія
,, смущенно отЪ того, что измѣнила тайнѣ
,, своего сердца; жалѣй о мнѣ, добродѣтельной
,, другЪ, но не лиши меня своей
,, эстимы!

Нѣкто, пріѣхавшей вЪ самое сіе время, помѣшалЪ Мерендору вывесть

Ура-

Уранію изъ сего сомнѣнія; онъ довольно зналъ сердечныя движенія, чтобъ не опорочить ея склонность, которую она имѣла къ достойному человѣку.

Съ того времяни всѣ Мерендоровы разговоры съ Ураніею состояли о Дамонѣ: „Я намѣрена тебя утѣшить въ пе„чали, которую ты имѣешь о семъ не„благодарномъ, сказала Уранія; пріѣж„жай завтра ко мнѣ около сего времяни, „ты найдешь здѣсь такого человѣка, „которой въ дружбѣ будетъ обстоя„тельнѣе Дамона.

Мерендоръ пріѣхалъ къ Ураніи въ назначенное время, больше въ угодность ея, нежели для заключенія оной дружбы; ибо примѣръ Дамоновъ еще болѣе отдалялъ его отъ сообщенія человѣческаго; но видъ молодаго мущины истребилъ сіе предупрежденное его мнѣніе. Дерикуръ (имя того мущины), имѣлъ видъ благородной, пріятной и привлекательной; на сего любезнаго незнакомаго Мерендоръ обращалъ свои взоры очень часто противъ желанія: „Вотъ тотъ „человѣкъ, о которомъ я тебѣ вче„ра говорила, сказала ему, улыбаясь „Уранія, люби его, онъ достойнѣе „Дамона.

 Искрен-

Искреннимъ симъ и безковарнымъ разговоромъ кончилось первое ихъ свиданіе, и началась дружба Мерендорова съ Дерикуромъ.

Дерикуръ жилъ въ домѣ Ураніи, и былъ очень любимъ ею: Мерендоръ имѣлъ случай узнать обстоятельно внутреннія достоинства его; и чрезъ то взаимная дружба вскорѣ сопрягла между ими великое согласіе; склонность Дерикурова къ упражненіямъ Мерендоровымъ, и желаніе быть тѣхъ участникомъ, утверждала вседневно ихъ дружбу; Мерендоръ, видя новаго своего друга способнымъ къ наукамъ, прилагалъ всевозможное стараніе просвѣщать его въ оныхъ; Дерикуръ же съ своей стороны соотвѣтствовалъ попеченію его удивительнымъ понятіемъ.

По нѣсколькихъ мѣсяцахъ знакомства ихъ, Мерендоръ почувствовалъ къ Дерикуру совсемъ иную любовь, нежели какую имѣлъ къ Дамону; движенія сердца его были странны, присутствіе молодаго сего друга утѣшало его съ смущеніемъ. Онъ внутренно грустилъ, когда должно было разставаться съ нимъ; ежелижъ Дерикуръ оказывалъ ему какіе знаки дружбы, то оные производили въ немъ неизъяснимое смущеніе.

Не

Не токмо самой порокЪ, но и одно сомнѣніе того устрашало Мерендора, а любовь страстная уже владычествовала надЪ его сердцемЪ: онЪ же сначала не смѣлЪ того вЪ себѣ и примѣчать; наконецЪ впалЪ вЪ великую задумчивость; чѣмЪ безмѣрно огорчилЪ Уранію и Дерикура.

„ О чемЪ печалишься ты, спросилЪ „ его вЪ одно время ДерикурЪ дружески „ приУраніи; какое тайное нещастіе „ приключилось сЪ тобою? Не ужЪ ли „ опасаешься то намЪ открыть?

„ Я самЪ не знаю причины, отвѣ„ чалЪ МерендорЪ сЪ смущеніемЪ, коего „ скрыть не могЪ; странное сіе приклю„ ченіе самому мнѣ не извѣстно.

ДерикурЪ удивясь, устремилЪ взорЪ свой на Мерендора, и примѣтя, что слезы навертывались на глазахЪ его, потупя голову, покраснѣлЪ и вздохнулЪ. Смущеніе Мерендорово умножилось, стыдясь движеніями своими, внутренно волнующими, и усиливая себя, взглядывалЪ на Уранію и Дерикура. Уранія уже знала причину Мерендорова смущенія, угадавЪ совершенно то, чего онЪ и самЪ не зналЪ.

„Напрасно ты не признаешься въ „причинѣ своей задумчивости, притвор-„ствуя ту не знать, сказала ему Ура-„нія; я знаю ея, любовь. . . .

Любовь! перебилъ Мерендоръ ея рѣчь съ восхищеніемъ; о Боже! какое слово дерзаешь ты выговаривать. Нѣтъ, я вѣчно побѣжденъ быть не могу зловредною сею страстію, и которая уже похитила у меня Дамона. . . . Дружба. . . . Дружба одна встревожила духъ мой. . . .

Уранія улыбнулась восхищенію Мерендорову.

„Дружба не смущаетъ, сказала „она, сила оной не разрушаетъ покою, „не обманывай себя; любовная страсть „плѣнила твое сердце; ты влюбленъ „Мерендоръ, не зная о себѣ того, а я „знаю, буде хочешь, то скажу, въ кого. „И Дерикуръ. . . .

„Боже мой! перебилъ Мерендоръ ея „рѣчь, ужаснувшись, что такое говоришь „ты Уранія? Какъ. . . . Возможно ли! „Дерикуръ, не щитай того; истинно са-„мая непорочная дружба одна упражня-„етъ мысль мою. . . . Любовь же стра-„стная никогда не можетъ. . . . Но, о „Боже! сколько смутила ты духъ мой? „Жестокосердая Уранія, почто лишила

„ты

,, ты меня столь пріятнаго покою. . . ?
,, Боже мой! Я не осмѣлюсь и думать о
,, томъ, Дерикуръ. . . . Чтобъ я былъ
,, виновенъ . . . . Вся моя внутренная терзается. . . . Не понимаю самъ себя; лучше
,, удалиться. . . . Остановись, вскричалъ Дерикуръ, не допустя его уйти, остановись
,, Мерендоръ, я не могу тебя оставить долѣе въ мысляхъ противныхъ твоимъ честнымъ правиламъ; успокойся, не
,, всегда человѣкъ виновенъ, когда во
,, мнѣніи своемъ находитъ себя такимъ;
,, мнѣжъ кажется, что я угадываю причину твоей горести, и естьли откровенностью своей я могу тебя утѣшить,
,, знай, что я женщина въ мужеской
,, одеждѣ; но я оставляю Ураніи разсказать тебѣ обстоятельно сію тайну. . . !

Викторія (съ сего времяни мнимой Дерикуръ называться будетъ симъ именемъ) выговоря сіе, вышла вонъ. . . Мерендоръ же остался погруженъ въ крайнемъ удивленіи, горести и смущеніи, которыя его толь жестоко тревожили, будучи преодолѣваемы радостію, неожидаемою отъ послѣднихъ Викторіиныхъ словъ, такое странное движеніе въ немъ произвели, что всѣ чувства его были восхищены.

,, При-

„Пристойно ли такому Философу
„столь мало умѣть владѣть собой, ска-
„зала ему, смѣявшись Уранія. Какъ!
„премѣна одежды могла тебя соблаз-
„нить, и разсужденіе твое такъ не-
„основательно, что ты могъ усумнить-
„ся въ сердечныхъ своихъ движеніяхъ.

„Какой я Философъ! отвѣчалъ Ме-
„рендоръ, слабости мои противное до-
„казываютъ; сжалься на меня, и не пере-
„смѣхай; я еще до сихъ поръ не мо-
„гу повѣрить тому, что свѣдалъ. Но
„. . . . кудажъ Дерикуръ ушелъ. . .? Не
„называй больше Дерикуромъ, перебила
„его рѣчь Уранія, Викторія заступила
„мѣсто Дерикурово. Я разскажу тебѣ при-
„ключенія, послѣдовавшія съ нею, и
„для чего она мужескую одежду но-
„ситъ; въ состояніиль ты теперь слу-
„шать?

„Можно ли въ томъ сомнѣваться,
„отвѣчалъ Мерендоръ, чтобъ я былъ
„не въ состояніи слушать того, что ка-
„сается до человѣка, столь мнѣ милаго?
„Боже мой! . . . .

„Ты довольно будешь имѣть время-
„ни изъяснить ей свою любовь, отвѣча-
„ла Уранія, а теперь слушай ея исто-
„рію.

Мерен-

Мерендоръ, не отвѣчая ни слова, тотчасъ сѣлъ подлѣ Ураніи, которая начала слѣдующимъ образомъ:

ИСТОРІЯ ВИКТОРІИ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣла родственныя принудили меня ѣхать въ * * * маленькой Шампанской городокъ, въ которой пріѣхавъ, вскорѣ спознаясь съ знатнѣйшими людьми, между которыхъ и съ отцомъ Викторіинымъ? Онъ былъ изрядной дворянинъ, имѣлъ такой достатокъ, что могъ роскошную жизнь вести въ провинціи; былъ вдовъ, и имѣлъ двухъ дѣтей, сына и дочь; сыну имя было Дорантъ, дочь же была та Викторія, которую ты видѣлъ подъ именемъ и одеждою Дерикура. Дорантъ былъ большой братъ Викторіи, и имѣя совершенныя лѣта, обладаемъ былъ всѣми страстями невоздержной молодости, и всѣми ужаснѣйшими пороками. Отецъ долго старался смирять его всевозможною родительскою строгостію; но тщетное стараніе, когда въ кого склонность къ худымъ дѣламъ вкоренится! Отецъ Дорантовъ инаго плода не получилъ отъ своего старанія, какъ притворство, помощію

щію котораго негодной его сынЪ скрывалЪ отЪ него порочныя свои склонности.

Сколько ДорантЪ былЪ преисполненЪ пороками, столько Викторія добродѣтельми; но напрасно стараюсь я хвалить ея; сердце твое, МерендорЪ, конечно лучше то освидѣтельствовало, нежели самое краснорѣчивое увѣреніе изЪяснить можетЪ. Викторія имѣла тогда пятнатцать лѣтЪ, была очень разумна, но мало знающа; любила чтеніе книгЪ, кЪ чему я ея поощряла, обѣщавЪ ей прислать, по пріѣздѣ своемЪ вЪ ПарижЪ, (куда вскорѣ отправилась), всѣхЪ лучшихЪ АвторовЪ сочиненія, служащія для увеселенія и наставленія; что не медля и исполнила, и радовалась видя по слогу ея писемЪ плодЪ, которой она пріобрѣла отЪ сего упражненія; вседневно оказывались вЪ ней такія достоинства, которыя дружбу мою кЪ ней умножали. О добродѣтеляхЪ надлежитЪ разсуждать не столько по знатнымЪ дѣламЪ, сколько по всегдашнимЪ поступкамЪ; знатныя дѣла по большой части производимы тщеславіемЪ и самолюбіемЪ; всегдашніяжЪ поступки имѣютЪ свой источникЪ вЪ сложеніи сердца.

СЪ полгода тому, какЪ Викторія отца лишилась, котораго ДорантЪ притвор-

творствомЪ, щитая его уже вЪ порядочномЪ поведенiи, безЪ размышленiя душеприкащикомЪ Викторiи его назначилЪ. Сiе опредѣленiе, по дружбѣ моей кЪ ней, меня очень огорчило. Я знала, что имѣнiе ея, будучи вЪ рукахЪ ДорантовыхЪ, расточенiю подвержено.

Обыкновенно первой порокЪ предводителемЪ служитЪ прочимЪ; не довольно того, что ДорантЪ вдался вЪ самыя продерзливыя страсти, дерзнулЪ умышлять противЪ непорочности сестры своей; не льзя статься, чтобЪ не старался онЪ преодолѣвать мерзскую сiю страсть; но ужЪ обладаемЪ будучи онЪ порокомЪ, не могЪ себя побѣдить вЪ томЪ. Воображенiе посрамленнаго дѣла устрашаетЪ, но привычка перемѣняетЪ видЪ онаго. ДорантЪ, влюбясь вЪ сестру свою, уже осмѣливался себѣ вЪ томЪ и признаваться; можетЪ быть онЪ сначала и стыдился тѣмЪ, но привыкнувЪ о семЪ думать, не столь порочной сiю страсть почиталЪ; наконецЪ дерзнулЪ любовь свою и ей открыть. „Я тебя люблю, Викторiя, ска„залЪ онЪ ей вЪ одно время; не думай, „чтобЪ любовь сiя недавно началась. „СтрахЪ родительской воздерживалЪ ме„ня до сего часа тебѣ сказать; вну-

„ тренно же сердце мое не меньше воспла-
„ менено было жаромъ, которой одна ты
„ можешь потушить; я самъ трепещу
„ отъ своего заблужденія, но пагубная
„ страсть влечетъ меня къ тому; не
„ могу преодолѣть себя, жизнь моя отъ
„ того зависитъ. Викторія, не бывъ къ
сему предуготовлена, съ огорченнымъ
презрѣніемъ тому удивилась, и не могла
ни одного слова выговорить въ отвѣтъ.
Дорантъ, пользуяся ея молчаніемъ, продолжалъ дерзко свою непотребную рѣчь; увѣщавалъ ея соотвѣтствовать любви своей; въ заплату чего обѣщалъ во всемъ ея утѣшать. Сказавъ же сіе, пошелъ вонъ, конечно въ томъ намѣреніи, чтобъ дать ей время о семъ подумать, которое время служило Викторіи для изготовленія отвѣту ему: но Дорантъ, котораго уже пороки не стыдили, пересмѣхалъ съ ругательствомъ всѣ ея представленія:
„ Честь ничто иное, какъ мечта, ска-
„ залъ онъ, которой я вѣчно обманутъ
„ не буду; она противорѣчитъ всѣмъ
„ нашимъ желаніямъ, не принося намъ
„ ни малой пользы. Послушайся меня, Вик-
„ торія, презри ее; честь твоя состоитъ
„ въ томъ, чтобъ нравиться; а моя . .
„ . . . (подумавъ немного), чтобъ то-
бою

„ бою владѣть, сказалъ онъ повелитель-
„ нымъ голосомъ.

„ Какія мысли! отвѣчала огорчен-
„ ная Викторія, я думаю, что и самые
„ порочные люди хотя не подражаютъ
„ добродѣтели, однако почитаютъ оную;
„ разсудокъ попущаетъ нѣкогда слабо-
„ сти наши, но никогда въ такомъ
„ скверномъ дѣлѣ, которое можетъ оста-
„ вить по себѣ знакъ посрамленной; а ты
„ дерзаешь уговаривать меня быть тому
„ сообщницею.

Столь премудрое разсужденіе не по-
нравилось Доранту. Викторія, сказалъ
онъ ей со злостію: „ Право мнѣ дало
„ власть надъ тобою, а любовь можетъ тебя
„ сдѣлать моею повелительницею; выби-
„ рай любое, только не медля.

Съ того времяни Дорантъ сталъ
употреблять всевозможныя хитрости по-
бѣдить ту добродѣтель, которую пра-
во и натура повелѣвали ему охранять:
любезная же и безпримѣрная Викторія бы-
ла подвержена терпѣливо сносить гоненія
ослѣпленной сей страсти. Она имѣла
много способовъ освободиться отъ того;
но надлежало явнымъ сдѣлать безчестной
поступокъ своего брата; слѣдственно и
всей фамиліи тобъ чести не принесло,

 чтобъ

чтобЪ ей немалаго огорченія стоило; но видя себя утѣсненну всечасными насильствіями своего гонителя, была готова на все отважиться, чтобЪ только могло свободить ея отЪ судьбины, ужасно грозящей, и для того избрала лучше подвергнуть себя неправосудному толкованію народному, обыкшему разсуждать по одной только наружности, нежели не соблюсти должности толь важной; велѣла себѣ тайно принесть мужескую одежду, ушла изЪ дому своего брата, и нанявЪ ямскую коляску, поѣхала вЪ ПарижЪ.

Викторія предупредила меня обЪ отЪѣздѣ своемЪ и о причинахЪ, кои кЪ тому ее понудили. ТакимЪ образомЪ я безЪ удивленія ее встрѣтила и представила свой домЪ убѣжищемЪ до тѣхЪ порЪ, пока минутЪ ей урочныя лѣта; видя же, что одежда сія кЪ ней пристала, совѣтовала не перемѣнять оной, и тотчасЪ пропустила слухЪ, что ко мнѣ пріѣхалЪ сынЪ брата моего изЪ провинціи. О тебѣ я часто сЪ Викторіей говорила, чѣмЪ вкоренила вЪ нея желаніе узнать тебя; прочіежЪ способы ты самЪ вѣдаешь, какіе я употребила для сего знакомства, сочтя то полезнымЪ для обѣихЪ васЪ; доволь-

довольно долго разсматривала нравы ваши, и нашла, что только вы двое другЪ друга достойны: вЪ твоемЪ сердцѢ, МерендорЪ, недоставало одного совершенства, то есть, чтобЪ быть упражненну вЪ нѢжностяхЪ любви непорочной; ВикторіяжЪ будучи природно чувствительна и искренна, твердостью разума обнадежила меня и вЪ твердости своего сердца. ВотЪ сколько причинЪ поощрили меня избрать Мерендора ей любовникомЪ: Сердце же твое способствовало моимЪ желаніямЪ. . . .

„Больше еще, нежели вообразить „можешь, отвѢчалЪ сЪ восхищеніемЪ „МерендорЪ; да и есть ли что нибудь „любезнѢе Викторіи? Есть ли что по„чтенія достойнѢе? Конечно я люблю „ее: уже нескрытно смѢю то вы„говаривать, какЪ долго я слѢпЪ „былЪ! Да яжЪ старался побѢдить раз„сужденіемЪ то чувство, котораго са„мо оно было началомЪ.

МерендорЪ нетерпѢливо желая увѢрить Викторію вЪ любви своей, не могЪ долѢе не видать ее, и Уранія тотчасЪ кЪ ней его отвела.

„Скажи мнѢ, МерендорЪ, сказала „ему сія дѢвица, какЪ скоро онЪ во-

„ шелЪ, знаешь ли ты Викторію и дви-
„ женія своихЪ чувствЪ кЪ Дерикуру?

„ Признаюсь вЪ своемЪ заблужденіи,
„ отвѣчалЪ МерендорЪ, только оно вамЪ
„ не во вредЪ было; но любезная Викторія,
„ ахЪ! простите меня, что я осмѣлился такЪ
„ наименовать васЪ, истинно я нелестно
„ назвалЪ васЪ такЪ, еще никто столь-
„ ко мнѣ не бывалЪ милЪ, какЪ вы. Познаніе
„ мыслей справедливыхЪ, страстныхЪ и нѣж-
„ ныхЪ не ужЪ ли уменшитЪ тѣхЪ, кои
„ вы толь часто доказывали мнѣ; но
„ ежели я не могу льститься вЪ соот-
„ вѣтствованной любви, по малой мѣрѣ
„ не отрекитесь вЪ дружбѣ? Не сумнѣ-
„ вайся вЪ томЪ, отвѣчала сЪ восхи-
„ щеніемЪ Викторія, я искренно тебѣ
„ признаюсь, что дружба сія много сход-
„ ствовать будетЪ сЪ желанною тобою
„ любовью. Честность мыслей твоихЪ до-
„ вольно мнѣ извѣстна, чтобЪ я не
„ стыдясь открыла тебѣ истинность
„ своихЪ.

ПослѢ сего МерендорЪ и Викторія другЪ другу клятвою обязались вЪ ненарушимой вѣрности; Уранія свидѣтелемЪ тому была, а искренность и добродѣтель ихЪ были залоги.

По

По окончаніи сего происхожденія, Уранія сказала ему: теперь ты свѣдалъ о всемъ касающемся до Викторіи; разскажижъ и ей о томъ, кого судьба опредѣлила быть ея любовникомъ. Всегдашнее твое удаленіе отъ сообщества человѣческаго доказываетъ, что ты имѣешь важную причину для того; сдѣлай насъ соучастницами той своей тайны; отъ извѣстной опасности способъ есть остеречься.

Сначала Мерендоръ отрекался удовольствовать тѣмъ Уранію, бояся встревожить Викторію разсказаніемъ о любовныхъ своихъ приключеніяхъ; но Викторія усилила его къ тому своею прозьбою, и такъ Мерендоръ началъ слѣдующимъ образомъ:

ИСТОРІЯ МЕРЕНДОРОВА.

О родителяхъ моихъ примѣчательнаго имѣю только то сказать, что они отъ всѣхъ признаны были честными людьми; отецъ мой остался послѣ предковъ своихъ довольно достаточенъ, чтобъ жить по волѣ своей, и не зависѣть отъ помощи другихъ. Я рожденъ въ сей щастливой волѣ, въ ней былъ и воспитанъ,

что пріучило меня любить неподвластное состояніе: не предвидѣлъ же я тогда, что есть и пріятная неволя.

Первое мое знакомство въ свѣтѣ было съ однимъ знатнымъ человѣкомъ (Оронтъ имя его), которому отецъ мой великія услуги оказалъ. Человѣкъ придворной привѣтствіемъ своимъ привлекаетъ, обращеніемъ угождаетъ, разговорами обольщаетъ, словомъ сказать, особливое дарованіе имѣетъ вкрасться въ сердце всякаго; но внутренность соотвѣтствуетъ ли наружности толь пріятной? Конечно нѣтъ, подобно какъ хорошая береста прикрываетъ собою пень гнилой, которую только здери, то увидишь корень весь изнылой: такъ и въ немъ, оставя наружность, загляни внутрь: увидишь коварство, высокомѣріе, ложъ и легкомысліе; готовъ все обѣщать, и ничего не исполнять, охотно погубить всякаго, естьли пользу свою изъ того усмотритъ; раболѣпствуетъ передъ всѣми случайными людьми, которыхъ способомъ ищетъ возвысить себя, и не щадя никого, жертвуетъ всѣми для своего удовольствія; таковъ есть придворной человѣкъ, таковъ былъ и Оронтъ!

Одна-

Однакожъ я въ немъ сего не примѣтилъ, пока съ нимъ въ короткое знакомство вошелъ; благородныя обхожденія его меня обманули; я почелъ за врожденное то, что онъ имѣлъ помощію притворства и воспитанія; онъ мнѣ доказывалъ многими опытами дружбу настоящую; съ радостію исполнялъ всѣ мои желанія; чѣмъ такъ меня увѣрилъ, что я любилъ его столькожъ искренно, сколько послѣ Дамона.

Случилось мнѣ нечаянно увидѣть Силвію; бѣглой ея разумъ, осанка благородная и скромная полюбились мнѣ въ ней. Тогда дѣйствія любовныя еще не извѣстны мнѣ были; надлежало прежде оныя испытать, чтобъ чувствовать ихъ силу, чему меня и научила любезная Викторія. Силвія осталась послѣ своихъ родителей самовластна, и уже была въ тѣхъ лѣтахъ, что могла избрать себѣ жениха. Ласковое ея со мною обращеніе заставило меня простирать мое исканіе, которымъ я былъ часъ отчасу довольнѣе. Силвія, видя мою любовь къ себѣ, доказывала мнѣ знаки истиннаго соотвѣтствія; всякой день и всякой часъ я ее находилъ страстнѣе и ласковѣе;

 слѣд-

слѣдственно и любовь моя къ ней потому умножалась.

Частое мое бываніе у Силвіи уменшило свиданія, которыми я считалъ должнымъ себя Оронту; онъ мнѣ за то пенялъ, яжъ выправлялся слабо, не сказавъ ему о страсти своей къ Силвіи, почитая должностію тайну сію хранить: Оронтъ не дался въ обманъ, отгадалъ настоящую причину; для лучшагожъ увѣренія пріѣхалъ къ отцу моему въ тѣ часы, въ которые щиталъ не найти меня дома, и спросилъ у него, гдѣ я? Отецъ мой сказалъ, что я у Силвіи, зная, что я нигдѣ индѣ не бываю, куда онъ тотчасъ пріѣхалъ, и тамъ меня нашелъ: я очень оторопѣлъ, увидя его; но какъ смущеніе мое успокоилось, то я представилъ его Силвіи, какъ друга, которой послѣ нея заимствуетъ первое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Силвія его приняла учтиво, разговаривала съ нимъ очень разумно и мы вмѣстѣ съ нимъ отъ нея поѣхали. Какъ скоро только мы остались одни; онъ началъ мнѣ пѣнять шуткою, для чего я столько скрытенъ былъ отъ него, чего онъ по дружбѣ моей отъ меня не ожидалъ; я ему представилъ во оправданіе, что осторожность сію я должною почиталъ

шалЪ для охраненія чести Силвіиной. Оронтъ показался мнѣ доволенъ тѣмъ оправданіемъ, сталъ хвалить Силвію, не показывая нималаго желанія, продолжать съ ней свое знакомство; я же за благо не разсудилъ склонять его на то. Съ тѣхъ поръ Оронтъ непрестанно говорилъ со мной о Силвіи, притворяясь не имѣть иной причины, какъ единственно мнѣ тѣмъ угождая.

Я продолжалъ свое исканіе въ Силвіи; но вскорѣ примѣтилъ нѣкоторую холодность въ любви ея къ себѣ; ибо она терпѣливѣе уже сносила отсутствіе мое и противорѣчила мнѣ во всемъ противъ обыкновенія своего: любовь во всѣхъ случаяхъ осторожна, и все для нея важно. Я сталъ выговаривать Силвіи, она старалась выправляться: а любовь, какъ просвѣщенна бъ ни была, со всѣмъ тѣмъ легковѣрна.

Приключившейся нѣкоторой безпорядокъ на загородномъ дворѣ отца моего принудилъ его послать меня туда въ самой скорости; я знавъ, что въ тотъ день возвратиться мнѣ не можно, и чтобъ не испужать Силвію, заѣхалъ къ ней; остановился у воротъ ея, слезъ съ лошади, вошелъ на дворъ; люди ея привыкли

уже видѣть меня у нея часто; и такимъ образомъ я не могъ остановленъ быть никѣмъ, и дошедъ до самой ея горницы, не встрѣтясь ни съ кѣмъ, услышалъ, что говорятъ въ уборной ея камор҃ѣ; отворяжъ двери, изобразите мое удивленіе, какъ вдругъ увидѣлъ я Силвію въ наистрастнѣйшемъ обхожденіи съ молодымъ мущиною, съ кѣмъ же? Съ Оронтомъ.

Страсть и дружба равно были обижены симъ случаемъ; я такъ озлобленъ былъ той встрѣчею, что конечнобъ обѣихъ сихъ преступниковъ умертвилъ, естьлибъ остатокъ ослѣпленной страсти, которою я столь долго привязанъ былъ къ нимъ, не воспрепятствовалъ мнѣ въ томъ; со всѣмъ тѣмъ не въ состояніи былъ долѣе свидѣтелемъ быть той измѣнѣ, хлопнувъ дверью ушелъ, и уѣхалъ, не выговоря ни одного слова. Сіе приключеніе столько смутило духъ мой, что я въ повелѣнное мѣсто отцомъ моимъ доѣхалъ, не знаю какъ, и по какой дорогѣ.

Возвратясь домой, свѣдалъ я отъ одного слуги, согнаннаго отъ Оронта, о способахъ, которые господинъ его употребилъ для уловленія Силвіи. Онъ къ

ней вЪ домЪ въѢжЪ сталЪ хитростію одной женщины, которая часто у нея бывала; хорошее его лицо и разумЪ плѢнили Силвію, меняжЪ щитала полезнымЪ для себя любовникомЪ, зная, что я намѢренЪ былЪ на ней жениться, чѢмЪ она заключала себя щасливой. И такЪ ея стараніе вЪ томЪ только состояло, чтобЪ не потерять ни веселья своего, ни пользы. Они надѢялись осторожными своими поступками скрыть отЪ меня любовь свою, но нечаянной случай обличилЪ зловредную сію тайну.

ОронтЪ былЪ помолвленЪ на одной богатой дѢвицЂ, опасаясь же, чтобЪ послѢдовавшее приключеніе и частыя его свиданія сЪ Силвіей не повредили его вЪ мысляхЪ у невѢсты, уѢхалЪ вЪ деревню; сЪ тѢхЪ порЪ Силвія, не имѢвЪ отЪ него никакого извѢстія, почувствовала проступокЪ свой тѢмЪ паче, что невѢрность того неблагодарнаго простиралась до такой степени, что она не могла испросить отЪ него нималаго утѢшенія вЪ ужасномЪ состояніи, до котораго онЪ ея довелЪ; однакожЪ безчестной поступокЪ ОронтовЪ безЪ наказанія не остался; приключеніе Силвіино дошло до его невѢсты, которая столько обиженною

ною себя тѣмъ сочла, что тотчасъ ему отказала.

Однакожъ измѣна сія очень меня огорчила, и сердце мое вмѣсто страсти чувствовало такую тоску, что я желалъ смерти, а отецъ мой извѣстенъ бывъ о причинѣ горести моей, и самъ не меньше безпокоился, видя меня неутѣшнымъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, кромѣ меня одного, да и отъ такой жены, которую обожалъ, и такъ страсть его къ ней умножала еще больше горячность его ко мнѣ; такимъ образомъ онъ употреблялъ все, что могъ для моего утѣшенія.

Въ домѣ его жилъ одинъ бѣдной дворянинъ (Шевалье де * * * было его имя). Этотъ дворянинъ такое худое состояніе имѣлъ, что умеръ бы съ голоду безъ помощи добродѣтельнаго и жалостнаго сердца, каковое имѣлъ отецъ мой для сего Шевалье, котораго, такъ какъ и всю фамилію его, отецъ мой нѣсколько лѣтъ содержалъ какъ деньгами, такъ и всѣмъ, въ чемъ имъ нужда могла быть: фамилія его состояла въ женѣ и въ дочери, называемой Ангелика. Дочь хотя красоты не имѣла, но пріятна была и очень умна, со всѣмъ тѣмъ я къ ней склонности особливой не чувствовалъ; отецъ

отецъ же мой очень любилъ ее. Великодушной человѣкъ обыкновенно чѣмъ больше одолжитъ кого, тѣмъ больше печется о пользѣ онаго. Отецъ мой такъ былъ привязанъ къ Шевальѣ, что хотѣлъ ему доказать дружбу знакомъ благодѣянія его дочери. Ему казались въ ней такія достоинства, что заключалъ щастіемъ для меня, ежелибъ я согласился на ней жениться, и внутренно огорчался, видя, что я нималой склонности къ тому не показываю. Ссора моя съ Силвіей казалась ему случаемъ полезнымъ, по мнѣнію его; одна Ангелика была въ состояніи замѣнить мою потерю; но сей чадолюбивой отецъ хотѣлъ дать сердцу моему полную власть въ выборѣ, открылъ то свое намѣреніе Шевалье, и просилъ его, чтобъ онъ помогъ ему въ томъ.
„Тебѣ извѣстна, сказалъ онъ ему, любовь моя къ Ангеликѣ. Я отеческими „глазами смотрѣлъ на ея воспитаніе и „на плодъ, которой она отъ того получила, подражая добродѣтельнымъ примѣрамъ твоимъ и матери своей„. Я въ ней нахожу много достоинствъ, для благополучія мужняго; но тебѣ способнѣе было моего свѣдать склонность сердца ея; говори со мною искренно, не знаешь

ли

ли ты склонности ея къ кому нибудь? Скажи, я все стараніе употреблю способствовать ея благополучію.

Сначала Шевалье оторопѣлъ, но увидя обнадеживанія дружескія, сказалъ: „Великодушіе ваше заставляетъ меня „соотвѣтствовать вамъ повѣренностью, „которуюбъ я никогда не осмѣлился „вамъ объявить безъ особливаго вашего „повелѣнія; я всегда чаялъ дочь свою не„чувствительной къ страсти любовной; „но нѣсколько тому дней, какъ примѣтилъ „въ ней великую перемѣну; вопервыхъ всё „печально вздыхаетъ и совсѣмъ уже не „имѣетъ того веселаго нраву, которой „вамъ извѣстенъ въ ней. Сверьхъ того „я часто находилъ ее въ слезахъ, наи„паче когда случалось ей видѣть Мерен„дора, сокрушающагося о Силвіи; я очень „огорчился, примѣтя сіе, и боюсь, не „влюбленаль она въ него; тѣмъ больше „робѣю, чтобъ къ пущему нещастію, не „прогнѣвила она тою вредною страстію „моего благодѣтеля.

„Нѣтъ, Шевалье, не бойся сего, „отвѣчалъ съ нѣкоторою чувствитель„ностію отецъ мой, Ангелика склонно„стью своей къ сыну моему мнѣ еще „милѣе будетъ, и признаюсь тебѣ, что „я

„ я давно ужъ желаю, чтобъ Мерендоръ „ справедливыми глазами смотрѣлъ на ея „ достоинства. Тщеславіе никогда меня „ не ослѣпляло: не думай, чтобъ бѣд- „ ность препятствіемъ служила ихъ свадь- „ бѣ; напротивъ умножаетъ мое жела- „ ніе совокупить ихъ, лишь бы я могъ „ увѣренъ быть, что мысли дѣтей на- „ шихъ совершенно согласны; истинно я „ только о ихъ благополучіи и мышлю; „ и потому какъ уже мнѣ извѣстно о „ склонности Ангеликиной, то скажи ей, „ чтобъ она употребила все приличное „ стараніе честной дѣвицѣ влюблять въ „ себя сына моего. Я въ томъ согласенъ „ и обѣщаюсь тебѣ, что ихъ бракъ толь „ скоро совершится, коль скоро любовь „ сочетаетъ сердца ихъ.

Шевалье, чрезвычайно обрадуясь, сталъ цѣловать отца моего и благодарить, который повторилъ ему, чтобъ онъ предуготовилъ Ангелику къ предпріятому старанію.

Я о всемъ томъ свѣдалъ долго спустя, слѣдственно и обращался съ ней одинаково до тѣхъ поръ. Я очень рѣдко хаживалъ къ Шевальѣ, но отецъ мой просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ: „ Онъ разуменъ, говорилъ мнѣ

„онъ, и очень знающъ; сверьхъ того „испыталъ много нещастій, отъ чего „чувствительнѣе другаго войдетъ въ „твое состояніе.„ Можно ли было мнѣ въ чемъ нибудь преслушну быть такому отцу, которой о иномъ не старался, какъ все угодное мнѣ дѣлать? Шевалье, жена и дчь его очень много дружбы мнѣ оказывали, а напаче Ангелика. Какъ бы человѣкъ дикъ ни былъ, со всемъ тѣмъ не можетъ быть нечувствителенъ, видя такія ласки; яжъ имѣлъ сердце вольное и озлобленное невѣрностію Сильвиной. Признаюсь, что желалъ найти Ангелику съ сердцемъ, способнымъ отмстить мнѣ; но опытъ, послѣдующей со мной, научилъ меня осторожнѣе быть въ новомъ обязательствѣ. Я хотѣлъ прежде увѣриться въ твердости ея склонности, нежели предупредить ее о своей; тѣмъ я и отговорился передъ родителемъ моимъ тогда, какъ онъ сталъ уговаривать меня, скорѣе окончить желанное намѣреніе его, свѣдавъ о ласковомъ моемъ обхожденіи съ Ангеликой.

Я уже сказывалъ, что отецъ мой наслѣдственнымъ богатствомъ пользовался; одинъ родственникъ, который совсемъ намъ и незнакомъ былъ, вдругъ

вдру-

вздумалъ оттягать оное себѣ. Отецъ же мой, будучи увѣренъ въ правости, смѣло ему сопротивлялся, но надлежало въ судъ итти. Тогда Дамисъ слылъ судьею правосуднымъ, я съ нимъ знакомъ былъ, и въ той надеждѣ препоручилъ ему въ надзираніе и стряпчаго, опредѣленнаго хожденіе имѣть по тому дѣлу; онъ взялся охотно помогать намъ въономъ, и разсмотря дѣло увѣрилъ меня въ правости нашей. „Своенравіе, корысти и неправо„судіе причиною тяжбы соперника ваше„го, сказалъ онъ мнѣ, знайте, что „успѣхъ не можетъ миновать васъ, „будь спокоенъ Мерендоръ, и положись „на меня въ успѣхѣ.

Сначала я былъ очень доволенъ Дамисовымъ стараніемъ; дѣло наше хорошее теченіе имѣло, и только оставалось намъ ожидать полезнаго рѣшенія.

Въ одно время пріѣхалъ я поутру къ Дамису, мнѣ сказали, что ему недосугъ, и что онъ никого не принимаетъ; отвѣтъ сей меня удивилъ; однако я не поспорилъ въ томъ, и ушелъ не выговоря ничего, только чрезъ часъ опять пріѣхалъ; тогда я нашелъ Дамиса, провожающаго молодую женщину: щегольская ея одежда и видъ смущенной,

вЪ сомнѣніе меня привели; ДамисЪ оторопѣлЪ, увидя меня, и старался, какЪ могЪ, скорѣе посадить вЪ карету сію женщину, потомЪ подшедЪ ко мнѣ спросилЪ, знаю ли я ею? Я ея никогда не видывалЪ, отвѣчалЪ я ему, что его очень успокоило и обрадовало; я должнымЪ себя почиталЪ таить сіе приключеніе; много разЪ приходилЪ я кЪ нему вЪ тотЪ же часЪ, но никогда не видалЪ его. ОтЪ людей же его вѣдалЪ, (которые всегда охотно разсказываютЪ дѣла своихЪ господЪ) что кЪ нему всякой день ѣздитЪ та женщина; и такЪ я уѣжжалЪ, и опять пріѣжжалЪ, когда чаялЪ его видѣть; его обхожденія всѣ одинаковы были со мной; онЪ меня увѣрялЪ вЪ успѣхѣ дѣла; яжЪ просилЪ его о рѣшеніи онаго, что онЪ и исполнилЪ; но какЪ же безсовѣстно! совсемЪ инаково, нежели увѣрялЪ меня; помощію лжесвидѣтельства и вымышленныхЪ писемЪ насЪ обвинили, не пріемля никакого оправданія; симЪ случаемЪ мы потеряли три части нашего имѣнія.

Сердце мое такЪ привычно было кЪ нещастіямЪ, что и оное не могло меня много огорчить; я тысячу разЪ больше сожалѣлЪ о потеряніи друга, нежели обЪ ономЪ убыткѣ. РодителямЪ же моимЪ

это

это очень чувствительно было; ихъ желаніе всегда состояло въ томъ, чтобъ не зависѣть ни отъ кого, и менябъ въ томъ же состояніи оставить. Такой большой ущербъ въ имѣніи не дозволялъ имъ уже льститься симъ состояніемъ, и я никакъ не могъ увѣрить ихъ, что я безъ прискорбности проживу малымъ симъ остаткомъ. Боже мой! Сіи чадолюбивые родители ни о чемъ столько не пеклись, какъ о моемъ благополучіи, и мнѣ очень горестно было видѣть ихъ о мнѣ сокрушающихся.

Однакожъ я тотчасъ поѣхалъ къ Дамису въ томъ намѣреніи, чтобъ спросить его, за что онъ такое наглое неправосудіе учинилъ; пріѣхалъ же къ нему въ самое то время, какъ нашъ соперникъ благодарилъ его за полезное рѣшеніе, съ нимъ была молодая женщина, которую онъ называлъ своей дочерью, и которая точно та была, которая тайно ѣжжала къ Дамису; я почелъ безполезнымъ ожидать другаго изъясненія, причина вреда нашего видима была, и я удовольствовался взглянуть на сего бездушнаго судью съ такимъ презрѣніемъ, котораго совершенно онъ почувствовалъ себя достойнымъ, и ни слова не сказавъ

 уѣхалъ

уѣхалъ отъ него: возвратясь же къ отцу моему, сказалъ „подлой души Дамисъ, жертвовалъ своей страсти тѣмъ, „что человѣкъ имѣетъ дороже всего; „словомъ сказать, забава любовная, прiобрѣтенная вредомъ чести и славѣ его, „лишаетъ насъ законнаго имѣнiя, но „для той горячности, которой я отъ „васъ удостоенъ, умѣрьте горесть со„крушающую меня, не богатство благо„получнымъ человѣка дѣлаетъ, а спо„койствiе духа и сердца; въ томъ со„стоитъ настоящее благополучiе, мило„сердые мои родители, я своимъ состо„янiемъ совершенно доволенъ; имѣя въ „васъ, милостивыхъ родителей, и ща„стливымъ себя нахожу; но ежели воз„можно заключите и вы для себя лю„бовь и почтенiе послушнаго Мерендора „утѣшенiемъ въ грозной судьбинѣ.

„Конечно, любезной сынъ, вскри„чалъ отецъ мой, обнявъ меня, конеч„но довольнобъ тебя одного было для „утѣшенiя моего, естьлибъ то самое „благополучiе, которое я нахожу въ люб„ви твоей, не заставляло меня печа„литься о потерянiи, утверждающемъ „твое блаженство; о одномъ твоемъ „убыткѣ, а не о своемъ я крушуся.

Мнѣ

Мнѣ нужды не было въ новомъ семъ знакѣ для увѣренія любви милостиваго моего родителя, и для того я употреблялъ все, что могъ для его успокоенія; вздумалось мнѣ, что присутствіе Шевальево можетъ къ тому способствовать, и хотя не мало удивился, что онъ самъ не пришелъ навѣстить истиннаго своего друга, однако тотчасъ пошелъ по него, въ полномъ увѣреніи и для себя найти нѣсколько утѣшенія въ соучастіи, пріемлемомъ Ангеликой: время нещастія есть время торжественное для любви; Шевалье, жена его и дочь, свѣдавъ о худомъ окончаніи нашего дѣла, стали жалѣть о нещастіи семъ, только съ такою холодностію, что кровь во мнѣ оледенѣла, суетно старался я встрѣтить взглядъ Ангеликинъ, она такъ прилѣжно работою своею упражненна тогда была, что очень ясно было видно, что она нимало о мнѣ не помышляетъ; таковой поступокъ конечно не годилось употребить съ сыномъ благодѣтеля; и для того стыдясь долѣе со мною быть, извинясь недосугами, Ангелика вышла въ одну дверь, а Шевалье въ другую; такой поступокъ озлобилъ меня, однако я не хотѣлъ удостоить ихъ упреками, а ушелъ отъ

нихъ въ твердомъ намѣреніи не видаться во всю жизнь свою со всей этой негодной фамиліей.

Ничто столько чувствительно быть не можетъ, какъ видѣть себя обманута другомъ, котораго привыкъ любить. Отецъ мой гораздо болѣе былъ огорченъ неблагодарностію Шевальевой, нежели потеряніемъ имѣнія, это его такъ тронуло, что ужъ я не могъ его ничѣмъ разговорить, послѣ чего вскорѣ и умеръ на моихъ рукахъ, увѣщавая меня удаляться отъ сообщества человѣческаго, которыхъ злохищренія причиною смерти его. „Сердце твое, сынъ мой, сказалъ „онъ, очень искренно, чтобъ знаться „съ бездѣльниками. Чистосердечные лю„ди обыкновенно легковѣрны, да и осте„речься противу плутовъ никакъ не „возможно, послушайся меня, удаляйся, „отъ всего того, что называется чело„вѣкомъ; уже ты по нещастію много „разъ обманутъ былъ худою ихъ со„вѣстью!

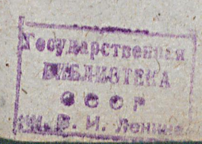
Мать моя не замедлила послѣдовать столь достойному мужу, и я остался одинъ въ сокрушительномъ состояніи; не потеряніе имѣнія меня печалило, а смерть родителей, достойныхъ вѣчнаго

моего

моего сожалѣнія, въ прибавокъ же къ горести встрѣтились въ мысль мою разсужденія о всѣхъ нещастіяхъ, которыя я въ жизнь свою претерпѣлъ, оныя такъ сильно подѣйствовали во мнѣ, что я принялъ намѣреніе совершенно уединенную жизнь вести; у меня оставался еще тотъ загородной дворъ, въ которой я ѣздилъ во время, какъ узналъ о невѣрности Силвіиной, и я туда поѣхалъ въ намѣреніи окончить тамъ жизнь свою. Но вы конечно любопытны свѣдать, куда дѣвался Шевалье съ дочерью своей.

Въ тотъ же день какъ въ послѣдней разъ я у него былъ, онъ переѣхалъ со всѣми своими пожитками изъ нашего дому, не удостоя зайти къ намъ проститься, повидимому онъ ожидалъ упрековъ, которыхъ чувствовалъ весьма достойнымъ себя. Вотъ что свѣдалъ я о нихъ чрезъ нѣсколько дней; не задолго до рѣшенія дѣла нашего, одинъ богатой человѣкъ влюбяся въ Ангелику, прислалъ къ ней съ представленіемъ, лестнымъ самолюбію ея, ежели она согласится щастливымъ его сдѣлать.

Ангелика сообщила отцу своему о томъ, но Шевалье надѣяся, что я женюся на ней, предпочелъ тогда союзъ

мой состоянію, представляемому дочери его. Потеряніе же нашего иску перемѣнило его мысли, уже онъ полезнымъ не находилъ выдать дочь свою за меня; тогда прибѣгъ онъ къ подражателю Плутосову, которой уговорилъ его съѣхать отъ насъ, нанялъ ему квартиру, отдаленную отъ нашего дому, и замѣняетъ ему всѣ убытки, понесенные потеряніемъ благодѣяній отца моего, естьли только можно назвать замѣною то, что мы пріобрѣтаемъ подлостію, и что насъ доводитъ до безчестія. Но безъ сожалѣнія напоминаю о сихъ неблагодарныхъ, очень лестная судьбина сохранена была для меня, чтобъ я могъ теперь инако, какъ ключемъ благополучія себѣ признавать ихъ безсовѣстной поступокъ противу насъ.

Яжъ поселясь въ новомъ своемъ жилищѣ, углубился въ науку Философіи, одну ея нашелъ способною истребить нещастія изъ памяти моей; достатокъ мой хотя очень умѣренной, однако становился на всѣ мои надобности, я ни съ кѣмъ не видался, и чаялъ себя щастливымъ.

Одинъ день ѣхавъ съ охоты встрѣтилъ я Дамона, которой тѣмъ же упражнялся, чѣмъ и я, хотя я уже противъ

роду

роду человѣческаго былъ, со всѣмъ тѣмъ не мотъ внутренно и противъ ево быть. Онъ имѣлъ видъ привлекательной, чистосердечіе и кротость ясно изображены были на лицѣ его. Кротость, такая добродѣтель, которою не уважаютъ въ свѣтѣ, а въ глазахъ настоящаго Философа добродѣтель сія очень почтена.

Дамонъ никогда не имѣлъ случаю испытать владычества страстей; видъ лица его показывалъ, что онъ здоровъ и спокоенъ, знаки достовѣрные прямодушія и благосклоннаго сердца, разсужденія его мнѣ полюбились, видно было, что и онъ моими доволенъ былъ, по великому ево желанію свести со мной знакомство короткое, я жъ съ моей стороны и самъ не меньше того желалъ, онъ сталъ ѣздить ко мнѣ, и чрезъ продолжительное время частыхъ нашихъ свиданіевъ я въ немъ узналъ отмѣнныя достоинства, которыя меня привязали къ нему дружбою, желанною имъ, и взаимно чуствуемой ко мнѣ; въ одно время дошла у насъ рѣчь о причинѣ моего уединенія, которую я ему открылъ, и онъ безмѣрно удивился терпѣливости моей противъ неправосудія Дамисова; отецъ Дамоновъ былъ въ томъ мѣстѣ судьею, въ которомъ зависило защищеніе

щищеніе неправосуднаго рѣшенія по дѣлу моему, сей способъ подавалъ Дамону случай одолжить меня, онъ назвался мнѣ просить отца своего, чтобъ возвратилъ отнятое у меня имѣніе. Я не окончу, ежели стану пересказывать вамъ всѣ обстоятельства, старанія его и трудовъ во ономъ случаѣ; я разскажу вамъ только то, что конечно вы желаете вѣдать, какой успѣхъ былъ въ томъ; Дамонъ чрезъ происки свои отъискалъ копію съ тѣхъ крѣпостей, которыя Дамисъ не внесъ въ дѣло, утверждающія владѣніе наше неоспоримо тѣмъ имѣніемъ, и которыя обличили лжесвидѣтелей, позванныхъ къ суду, и заставили ихъ скрыться бѣгомъ; наконецъ Дамонъ возобновилъ судъ, которой рѣшенъ былъ въ пользу мою. Я вступилъ въ права наглымъ безсовѣствомъ отнятыя у меня, въ награжденіе своихъ трудовъ. Великодушной Дамонъ требовалъ только удовольствія видѣть меня жителемъ Парижскимъ, гдѣ ему свободнѣе было пользоваться дружбою моей: я не могъ ни въ чемъ отречься сему истинному другу, и оставилъ свое уединеніе. Я не имѣлъ причины въ томъ разкаяваться, а пріобщилъ въ сообщество наше дружеское добродѣтельную Уранію. Люди столь

достой-

достойные, хотя и упражняли сердце мое, но со всѣмъ тѣмъ оставалось въономъ еще желаніе; я природно склонности столь привязчивой, что одна страстная любовь могла благополучнымъ меня дѣлать, которой никогда и не старался истреблять, находя въ томъ удовольствія и никакого вреда. Да и есть ли что благороднѣе любви, есть ли что пріятнѣе оной, и полезнѣе для общества? Одна она воздерживаетъ насъ отъ пороковъ, вселяетъ въ насъ нѣжность и хорошей нравъ; словомъ сказать, все, что ни есть хорошаго въ человѣкѣ, отъ нея произрастаетъ; безъ любви звѣрство, врожденное во всѣхъ людяхъ сдѣлало бъ тысячу разъ насъ лютѣе звѣрей самыхъ дикихъ; а любовь имѣетъ источникъ свой въ разсужденіи подкрѣпляемомъ пріятной добродѣтелью, истребляетъ всѣ душевныя угрызенія, способствуетъ пользоваться спокойно забавами ослѣпляющими, воображая себя въ страсти къ той, которой достоинство не токмо оправдаетъ, но умножаетъ чувство то съ нѣкоторымъ пріятнымъ смущеніемъ; наконецъ отъ нея та.....

Тутъ Мерендоръ остановился, устремя глаза свои страстно на Викторію:

„ докак-

„ доканчивай, Мерендоръ, сказала она „ воспламененнымъ голосомъ, пріобщи еще, „ что отъ той, которая царствуетъ въ „ нашихъ сердцахъ; чувства сіи мнѣ очень „ лестны, чтобъ я не согласилась при„ знать ихъ; конечно наша любовь, „ оное столь благословенное чувство дос„ тойно навсегда владычествовать на„ ми.

„ Сколькожъ я доволенъ, любезная Ви„ кторія, сказалъ Мерендоръ, „ и сколько „ радъ видя тебя совершенно увѣрену „ во мнѣ; такъ тебѣ знаемо то благо„ словенное чувство, которое сопрягаетъ „ сердца наистрастнѣйшія и наидобро„ дѣтельнѣйшія; признаюсь, одно оно въ „ состояніи было щастливымъ меня сдѣ„ лать, и одна ты могла то въ меня „ вселить; наконецъ мы соотвѣтственно „ тѣмъ побѣждены, и осталось только „ желать того, чтобъ ты столькожъ „ постоянно наслаждалась тѣмъ пріят„ ствомъ, сколько я совершенно обожать то „ стану, чтобъ оно навсегда служило „ содержаніемъ нашихъ мыслей; можетъ „ ли что лучше оградить безсмертіемъ „ наше благополучіе?

Рѣчь сія продолжалась еще нѣсколько всѣю страстнымъ голосомъ, потомъ Мерен-

Мерендоръ началъ опять разсказывать, какъ онъ имѣлъ случай испытать легкомысліе женскаго роду, на что Викторія страстнымъ голосомъ сказала: я боюсь, чтобъ примѣры оные не оставили въ мысляхъ твоихъ нѣсколько подозрѣнія и въ твердости моего сердца; въ чемъ Мерендоръ старался переувѣрить ея.

„Нѣтъ уже не осталось мнѣ при-
„чины къ сомнѣнію, сказалъ онъ, раз-
„сужденіе обще съ добродѣтелью сопряг-
„ли наши сердца, я то вижу, и бого-
„творю въ тебѣ; разность движеній
„моихъ пр жнихъ съ теперишними, слу-
„жатъ мнѣ вѣрнымъ свидѣтельствомъ
„въ чувснвѣ, царствуемомъ въ любезной
„моей Викторіи, съ тѣми негодными
„женщинами, которыя непостоянствомъ
„ослѣпленны. Нынѣ въ первой разъ толь-
„ко я могу согласить разсужденіе съ
„любовью, оба сіи чувства владычеству-
„ютъ сердцемъ моимъ; любить тебя и
„обожать, любезная Викторія, есть
„и будетъ навѣки столпомъ Философіи
„моей: одинъ недостатокъ въ моемъ
„благополучіи тотъ, что не вижу Да-
„мона въ познаніи своего заблужденія,
„въ чемъ я не безнадеженъ съ раз-
„умомъ такимъ, какъ онъ. Не можно

„дол-

„ долго подражать пороку; любочестіе „ его обнадеживаетЪ меня, что онЪ вскорѢ обратится кЪ своимЪ друзьямЪ; „ скажу больше, кЪ. . . : Остановись, „ МерендорЪ, сказала Уранія, я вижу „ кЪ чему рѢчь твоя уклоняется, только не думай, чтобЪ я питала слабость свою надеждою постыдной для „ меня; и ежели я не вЪ силахЪ искоренить оную, по малой мѢрѢ я не „ такЪ подло думаю, чтобЪ согласилась „ оправдать себя вЪ той.

Во время какЪ оные любовники наслаждались соотвѢтственными увѢреніями взаимной любви, тѢмЪ же тогда упражнялся и легкомысленной ДамонЪ, подражая уставамЪ хитрой Эмиліи. Любовь его кЪ ней вседневно произрастала, онЪ ей жертвовалЪ всѢ минуты своей жизни, упуская даже необходимыя должности обществу; весьма много не доставало, чтобЪ Эмилія соотвѢтственно платила ему, склонность ея силою забавЪ сЪ нимЪ много уменьшилась, уже она не находила больше удовольствія сЪ нимЪ быть. Любовь истощила то пріятство, которое согласно дѢлимое любовниками дѢлаетЪ благополучіе обеихЪ тѢхЪ, которые страстью взаимной побѢждены, неизЪясни-

яснимая противность заступила мѣсто грубыхъ желаній, пріятство, состоящее въ новой любви, производимое нѣжной страстію во время самыхъ забавъ, воспламененныхъ желаніемъ часто повторяемыхъ, то самое пріятство не могло инако удовольствія приносить ей, какъ раздѣляя оное со множествомъ любовниковъ, которыхъ старалась плѣнниками своими имѣть.

Изо всѣхъ ея любовниковъ, Дамонъ больше всѣхъ чести и славы ея красотѣ приносилъ, какъ достоинствомъ фамиліи своей, такъ и достоинствомъ разума своего предъ прочими. Очень прискорбно быть нелюбимой, будучижъ любимой потерять любовника стыдно; самолюбіе уже не дозволяло Емиліи свободить Дамона изъ своихъ оковъ; такимъ образомъ состояло только умѣть скрывать отъ него всѣ тайныя невѣрности, коими она платила за ослѣпленную повѣренность его къ ней; хитрость и коварство ничего не стоятъ кокѣткѣ, которыми способами Емилія и пользовалась для обмана искренняго Дамона.

Одинъ день гуляла она въ одномъ изъ тѣхъ садовъ, въ которыхъ она непрестанно бывала, способнымъ для славы прельщать, равно какъ для удовольствія

ствія быть прельщенной, въ томъ саду увидѣла она Викторію, носящую имя и одежду Дерикура; малѣйшаго пріятства сего мнимаго молодца довольно было бы для соблазненія глазъ чувствительныхъ. Дерикуръ одаренъ былъ всѣми совершенствами, которыми натура можетъ снабдить любезнаго человѣка, того ради нимало неудивительно, естьли онъ собою плѣнилъ, и къ желанію грубому возбудилъ сластолюбивую Емилію.

Первое Емиліино стараніе было освѣдомиться о имени, о природѣ и о жилищѣ сего молодаго незнакомаго. Она свѣдала, что онъ племянникъ Ураніинъ, у которой и въ домѣ живетъ. Сіе обстоятельство не могло отвратить любовь ея отъ него; но напротивъ она сочла симъ способомъ имѣть дорогу ближе къ успѣху, ежели только найдетъ средство отвратить его отъ наставленій добродѣтельной Ураніи. Въ самомъ дѣлѣ Дерикуръ подражалъ во всемъ примѣру Ураніину. Емилія торопилась спознаться съ нимъ, въ чемъ Дамонъ способствовалъ ей, сказавъ, что Уранія часто бываетъ у госпожи Жуанвиль, весьма благосклоннаго нраву, которой страсть къ игрѣ столь сильна, что она допускаетъ всякаго званія

нія женщинъ въ домъ свой, не смотря, какова состоянія онѣ, лишь бы умѣли играть въ карты; о себѣжъ Дамонъ сказалъ ей, что ни онъ, ни Мерендоръ никогда не бывали въ домѣ сей Госпожи.

Узнавъ обстоятельно нравъ Госпожи оной, Емилія безтрудимъ почла въѣхать къ ней въ домъ, нашла женщину знакомую госпожѣ де-Жуанвиль, которую просила, чтобъ взяла дозволеніе привесть ея къ ней; госпожажъ де-Жуанвиль охотно желая, чтобъ число игрицъ умножалось, и труда на себя не взяла спросить, какого поведенія Емилія, которая была съ радостью приглашена въ то сообщество, гдѣ заключали все, какъ скоро умѣешь играть въ карты. Какая страсть! только весьма извинительна въ женщинахъ, наипаче, которыя ужъ въ такихъ лѣтахъ, что оное упражненіе имъ служитъ забавою вмѣсто тѣхъ, о которыхъ имъ не дозволяется больше и помышлять.

Уранія очень знала ту слабость въ госпожѣ де-Жуанвиль, и употребляла всѣ способы отвращать ея отъ той; но къ пороку такому стыдному оная госпожа пріобщала такія добродѣтели, которыя извиняли страсть, столь непобѣдимую въ

ней; Уранія, зная ея достоинства, и видя безполезность старанія своего отвращать ея отъ игры, переставъ упрекать ея тою страстью, не перестала къ ней ѣздить; будучижъ увѣрена въ честномъ ея поведеніи, возила съ собою къ ней и Викторію, подъ именемъ Дерикура, имѣя только одинъ сей домъ, гдѣ она съ нѣкоторымъ удовольствіемъ провождала время, не ожидая, чтобъ въ томъ домѣ чье нибудь любопытство могло подвергнуть опасности Викторію. Мнимой Дерикуръ обращался такъ цѣломудренно въономъ обществѣ, что не подалъ никому подозрѣнія въ своей тайнѣ.

Емилія не замедлила угодностьми своими любимой сдѣлаться госпожею де Жуанвиль; между тѣмъ времянемъ Уранія пріѣхала съ Дерикуромъ, которая много слыхала о Емиліи, но никогда не видывала ея, сверьхъ того Емилія въѣхала въ домъ госпожи де-Жуанвиль не тою порочною женщиною, какъ она знаема въ свѣтѣ была; и такъ неудивительно, ежели Уранія приняла ея за другую вмѣсто той, которую столь страстно любилъ Дамонъ. Обращеніе Дерикурово въ домѣ госпожи де-Жуанвиль умножило еще склонность Емиліину къ нему; она все

упот-

употребила, чѣмъ можно было влюбить его: страстные взгляды, ласковые разговоры, пріятныя улыбочки, шутливые и разумныя споры, все было употреблено для полученія отъ Дерикура отмѣну преимущественно предъ всѣми тутъ бывшими женщинами. Она чаяла уже въ томъ и успѣхъ имѣть; Дерикуръ былъ молчаливъ, находя должностью, когда случалось быть между посторонних людей, чтобъ внимать ихъ разговоры, примѣчать поступки и разсужденія, въ томъ намѣреніи, чтобъ по тому спознать съ большею достовѣрностью нравы тѣхъ людей; Эмиліина фигура, притворныя ея поступки, и ласки ея къ нему преимущественно предъ всѣми прочими, все сіе онъ почелъ достойнымъ его примѣчанія, и для того онъ устремилъ глаза свои на нею прилѣжно; что Эмилію очень обольстило, наипаче, будучи самолюбива, заключила то его движеніе полезнымъ для себя.

Другое примѣчаніе не меньшимъ утвержденіемъ служило ей въ ея заблужденіи; склонности сердечныя съ трудомъ скрываются, и глаза служатъ вѣрнымъ зеркаломъ, которое обличаютъ безъ ошибки душевныя движенія; Дерикуръ былъ влюбленъ, и такъ въ глазахъ его,

вЪ лицѣ и вЪ голосѣ, все вЪ немЪ являло пріятное сіе чувство, и любовная задумчивость ясно изобличала его вЪ томЪ.

Всѣ сіи знаки любовные Эмилія примѣтила, которые несомнѣнно утвердили ея вЪ первомЪ дѣйствіи красоты ея надЪ сердцемЪ ДерикуровымЪ; но видя его обращеніе робкое сЪ собою, почла нужнымЪ подать случай кЪ смѣлости одному молодому человѣку, повидимому необыкшему еще обращаться вЪ любовныхЪ обстоятельствахЪ.

Уранія уѣжжала кЪ госпожѣ де-Жуанвиль вЪ назначенные дни; чего Емилія не упустила провѣдать, и вЪ томЪ намѣреніи, чтобЪ безЪ нея игра началась, пріѣхала она вЪ одинЪ день позднѣе обыкновеннаго; о Дерикурѣ же она знала, что онЪ никогда не играетЪ; оной умыселЪ ей удался, и она осталась одна сЪ ДерикуромЪ; гостей тогда было много для помощи намѣренія ея, и для того она способомЪ разныхЪ хитростей, заставила его подойти кЪ себѣ кЪ окошку, и послѣ нѣсколькихЪ шутливыхЪ разговоровЪ стала упрекать его видомЪ страстнымЪ вЪ задумчивости, вЪ которой онЪ находится вЪ такомЪ мѣстѣ, гдѣ всѣми очень ласкаемЪ; сЪ начала Дерикурѣ

рикурЪ покраснѣлЪ, потомЪ принуждалЪ себя смѣлѣе быть, чтобЪ тѣмЪ отдалить всѣ подозрѣнія; выправка его очень умна была, онЪ ей отвѣчалЪ, что она напрасно называетЪ задумчивостію вЪ немЪ то, что не иное, какЪ примѣчаніе красавицЪ, находящихся вЪ томЪ собраніи.

Емилія хотя приняла это на свой щотЪ, но хотѣла довесть Дерикура открыться еще яснѣе, употребила притворное любопытство, свѣдать имя той женщины, которая больше всѣхЪ ему нравится; ДерикурЪ щелЪ невозможнымЪ, чтобЪ сохраня учтивость, можно было иную назвать кромѣ ея. Такой отвѣтЪ, которой Емилія выищивала, вмѣсто того, чтобЪ вЪ торопость привесть ея, причину подалЪ распространить разговорЪ, которымЪ любовь равно, какЪ высокомѣріе ея были удовольствованы. ДерикурЪ, будучи принужденЪ содержать слово выговоренное, видѣлЪ себя подвержена продолжительному страстному и любовному разговору, отЪ котораго трепеталЪ, боясь слѣдствія худаго изЪ того; однако Емилія очень довольна была отвѣтами его; словомЪ сказать, она была такЪ довольна, что не льзя было не узнать любви ея кЪ Дерикуру; вдругЪ стала

восхищенна, весела, воспламененна любовью, и Викторія совѣстно послѣ признавалась, что хотя и сама она женщина была, а въ то время Емиліей прельщена была.

Уранія уже давно примѣтила дѣйство, которое красота Дерикурова произвела въ Емиліиномъ сердцѣ, но боясь ошибиться, не смѣла въ томъ своемъ сомнѣніи утвердиться; сей же случай былъ болѣе нежели доволенъ, для утвержденія подозрѣнія того. Она примѣчала всѣ поступки Емиліины съ Дерикуромъ: удовольствіе, веселой видъ ея и страстные взгляды на Дерикура совершенно утвердили ея въ томъ; Викторія, будучи скромна, хотѣла скрыть приключеніе то, но Уранія принудила ея къ тому, на завтрѣжѣ при Мерендорѣ шуткою поздравлять стала ея съ побѣдою.

Викторія удивилась догадкѣ Ураніиной, и покраснѣла отъ того; для Мерендора же все оное ново было, а онъ сталъ просить, чтобъ изъяснили ему загадку ту, въ чемъ Уранія его удовольствовала кромѣ того, что не умѣла ему сказать ни состоянія, ни нраву, ниже настоящаго имени той, которой заблужденіе очень смѣшно имъ было.

На

На оное Мерендоръ выговоря нѣсколько страстныхъ приговоровъ Викторіи о владычествѣ, которое она имѣетъ надъ всѣми сердцами, сказалъ, что онъ очень боится слѣдствій, кои могутъ случиться отъ приключенія ея съ Емиліей, въ томъ мнѣніи, что женщина, которая до тѣхъ поръ нагла, что отваживается при первомъ случаѣ мущинѣ оказывать склонность свою, очень опасна, заключая, что она конечно не упуститъ простирать съ Дерикуромъ знакомство свое короче; и тогда тайна Викторіина подвержена быть можетъ открытію; притомъ же ожидаемо, чтобъ столь наглая женщина по злобѣ не вымыслила чего и вреднаго для нея.

Симъ справедливымъ разсужденіемъ Мерендоръ столько устрашилъ Уранію и Викторію, что онѣ тотъ же часъ приняли намѣреніе не ѣздить больше къ госпожѣ де-Жуанвиль; по прошествіи нѣсколькихъ часовъ того премудраго предпріятія ихъ, вдругъ вошелъ слуга къ нимъ, и сказалъ Дерикуру, что Дамонъ имѣетъ о нѣкоторой тайной нуждѣ съ нимъ переговорить; пріѣздъ гостя сего очень испужалъ всѣхъ ихъ. Викторія ни съ какимъ мущиною никогда одна не бывала,

и очень оробѣла, чтобъ застѣнчивостью своею не подать подозрѣнія вреднаго своей тайнѣ: она приказала просить Дамона къ Ураніи въ покой съ увѣреніемъ, что по дружбѣ ихъ между собой она можетъ включена быть въ повѣренность той тайны. Отвѣтъ сей весьма непріятенъ былъ Дамону, однако, одолѣемъ будучи ревностью, согласился итти къ Ураніи, которую такъ какъ и Мерендора ему очень не хотѣлось увидѣть; но со всѣмъ тѣмъ ничто не могло его удержать; ибо онъ узналъ, что Емилія влюблена въ мнимаго Дерикура, котораго признавая соперникомъ, желалъ съ нимъ изъясниться; только какимъ образомъ свѣдалъ онъ о любви той; потому что онъ самъ сказывалъ Емиліи, что онъ никогда не былъ въ домѣ у госпожи де-Жуанвиль. Любовь хотя не терпитъ никакихъ свидѣтелей, со всѣмъ тѣмъ ничего такого нѣтъ, чегобъ за деньги свѣдать не льзя было. Емилія, ослѣплѣнна будучи разговоромъ, которой имѣла на канунѣ съ Дерикуромъ, и всю ночь проводила въ вымышленіи изъискать способъ тайно увидѣться съ нимъ, все цѣломудріе ее было грубымъ желаніемъ развращенно, дѣйствіе, которaго

раго опредѣлило ее непремѣнно удовольствовать въ томъ себя, не отсрочивая ни одного дня, и той ради причины она назначила мѣстомъ свиданія тотъ увеселительной домъ, которымъ Дамонъ ее подарилъ, состоящей въ самой близости отъ Парижа; тайно приказала въ немъ изготовить все, что надобно было для пріятнаго провожденія дня, и сама туда поѣхала, написавъ письмо къ Дерикуру, которое послала съ надежнымъ слугою.

Посланной сей искренно любилъ Дамона; въ знакъ чего и разныхъ милостей къ себѣ, поступилъ въ семъ случаѣ противъ обыкновенной подлой души въ людяхъ его состоянія. Ему прискорбно стало видѣть Дамона жертвою невѣрности столь наглой, къ томужъ надежда быть вновь награжденну, пуще къ тому его подвигла. Онъ прямо пошелъ къ Дамону, объявилъ ему все умышляемое противъ него, и въ доказательство тому отдалъ ему письмо, съ нимъ посланное къ Дерикуру, которое Дамонъ съ великой злостью развернувъ, прочелъ слѣдующее:

„На берегу рѣки Сѣны въ томъ „обитаніи, гдѣ веселья царствуютъ,

„ожи-

„ ожидаетъ тебя любовь, Дерикуръ, съ
„ намѣреніемъ удовольствовать (есть ли
„ только ты будешь умѣть пользоваться)
„ важнѣйшими своими забавами; поспѣшай,
„ не взирая ни на какой страхъ, все споспѣ-
„ шествуетъ твоимъ желаніямъ, и серд-
„ це наистрастнѣйшее готово сдѣлать тебя
„ наищастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Дамонъ озлясь прискакалъ не мѣшкавъ туда, гдѣ Емилія назначила дѣйствительную измѣну ему сдѣлать, что ежели безмѣрно удивило ея, потому что она Дамона къ себѣ не ожидала, и еще меньше желала, то больше еще удивилась, увидя, что онъ извѣстенъ о причинѣ, которая привела его въ то мѣсто. Однако по привычкѣ всечасной не потребствовать, она нимало не оторопѣла, и вмѣсто того, чтобъ такое приключеніе ее устыдило, оное умножило наглую дерзость ея; она больше огорчилась, увидя надежду свою непредуспѣемой, нежели отъ того, что безпутной поступокъ ея явенъ сталъ, и съ гордостію вскричала, по какому праву онъ осмѣливается докучать ей, и повелѣвать выѣхать изъ такого мѣста, которое ему уже не принадлежитъ; но Дамонъ, озлобленъ будучи, упрекалъ ея съ угрозами, и поѣхалъ отъ

нея съ клятвеннымъ обѣщаніемъ умертвить новаго любовника ея; возвратясь же въ Парижъ, прямо проѣхалъ въ домъ къ Ураніи, къ которой съ тѣмъ вошелъ, что началъ обидными словами ругать Дерикура.

Легче можно вообразить, чѣмъ изъяснить удивленіе трехъ друзей въ ономъ случаѣ; Уранія внятно выслушала начало рѣчи Дамоновой, которой конца дослушать никакъ не могла; ибо залилась горкими слезами, и закрывъ лице руками, казалось, согласилась бы понести на одной себѣ постыдное смущеніе Дамоново, ежелибъ онъ только могъ почувствовать свое заблужденіе. Мерендоръ, устремясь пристально на Дамона, казалось, сомнѣвался, не привидѣніе ли то представляется въ глазахъ его; а мнимой Дерикуръ, поблѣднѣвъ трепеталъ, будучи устрашенъ злостью Дамоновой, и взглядывалъ то на Уранію, то на Мерендора, видомъ просящаго защищенія имъ въ такомъ неправосудномъ оклеветаніи; Дамонъ же безо всякаго примѣчанія отъ движеній, приключившихъ ослѣпленною своею ревностію, озлобился больше еще за молчаніе Дерикурово, признавая то новою себѣ обидою, совсемъ обезпамятѣлъ, и ухватился за ефесъ своей

шпаги,

шпаги, въ намѣреніи отмстить себя; чего Мерендоръ испужаясь бросился къ нему, и оттолкнувъ его, вскричалъ: „ что ты „ дѣлаешь, негодной человѣкъ, до чего до„ водитъ тебя слѣпая злость, и на чью „ жизнь посягаешь ты, для познанія свое„ го заблужденія; буде ты жаждешь про„ лить кровь, мучитель, пойдемъ отсю„ да; это мѣсто неспособно для такого „ позорища, поди за мной, означь сево„ днишной день, звѣрской злостью; Мерен„ доръ готовъ вмѣсто всѣхъ понесть „ смерть отъ тебя!

Сердитой голосъ Мерендоровъ укротилъ нѣсколько горячности Дамоновой. Казалося, что дружба поверхность взяла въ томъ: „ не ты обидѣлъ меня, отвѣ„ чалъ онъ съ нѣкоторою ласкою, за „ что ты вооружаешься противъ меня? Ахъ! „ Мерендоръ, ежелибъ ты могъ знать „ волненіе души моей, тобъ конечно со„ гласился со мною, что я довольно от„ мстить не могу измѣннику, которой „ подвергаетъ меня толикому жестокому „ мученію.

Смущеніе, которое видно было какъ въ глазахъ, такъ и во всѣхъ движеніяхъ Дамоновыхъ, ясно доказывало, что онъ не властенъ въ себѣ былъ; Мерендоръ же,

кото-

которой зналъ свойство всѣхъ человѣческихъ слабостей, внутренно больше сожалѣлъ о Дамонѣ, чѣмъ винилъ его.

„ Эхъ! Дамонъ, сказалъ онъ печаль„ нымъ голосомъ, по такимъ ли поступ„ камъ надлежало мнѣ признать своего „ друга?

„ Твой другъ, отвѣчалъ Дамонъ го„ лосомъ презрительнымъ къ самому себѣ, „ недостоинъ больше такого наименова„ нія отъ тебя, ищи себѣ добродѣтель„ наго друга, а я уже пересталъ быть „ такимъ, сердце мое, подражающее не„ обузданнымъ страстямъ, недостойно „ тебя. Я самъ то чувствую, и стыжусь „ тѣмъ, только со всѣмъ тѣмъ не имѣю „ довольной силы побѣдить оныя.

„ Кто умѣетъ познавать свои слабо„ сти, тотъ умѣетъ ихъ и поправлять, „ отвѣчалъ Мерендоръ; ябъ извинилъ „ тебя, Дамонъ, ежелибъ ты подобно „ слѣпому, на удачу идущему возлѣ про„ пасти, избралъ бы подражать пороку, „ не предъусмотря пагубы грозящей, но „ знавъ вредъ того, и не токмо удалять„ ся, а попускать себѣ безразсудно къ „ тому! Ахъ! Дамонъ, чѣмъ можешь ты „ извинить себя передо мной, однакожъ „ буде тебѣ надобно достовѣрное дока-

„ затель-

„ зательство въ заблужденіяхъ, въ кото-
„ рыя страсть влечетъ тебя, готовься
„ почувствовать вину свою, увидя истин-
„ ну, и познай въ томъ Дерикуръ, котораго
„ ты своимъ соперникомъ называешь, лю-
„ безную и добродѣтельную Викторію,
„ столько украшающую свой полъ, сколь-
„ ко Емилія посрамляетъ оной.

Такою повѣренностью Мерендоръ въ изумленіе привелъ Дамона; какое противное прежнему волненіе почувствовалъ онъ внутренно? Смущеніе заступило мѣсто злости. Мерендоръ, вскричалъ „ онъ, какую тайну открылъ ты мнѣ?

„ Самую справедливую, отвѣчалъ
„ Мерендоръ, другъ твой не въ состо-
„ яніи лгать.

„ Чтобъ сомнѣваться въ твоихъ рѣ-
„ чахъ, надобно не знать тебя, ска-
„ залъ Дамонъ, но какими глазами дол-
„ женъ ты на меня смотрѣть, Мерен-
„ доръ, и какому презрѣнію удостоилъ
„ я себя той любезной женщины. . . .
„ И что можетъ о мнѣ думать добро-
„ дѣтельная Уранія, видя меня безъ
„ оправданія; со всѣмъ тѣмъ буде
„ можетъ извиненіе служить во оправда-
„ ніе моего заблужденія, прочти, Мерен-
„ доръ, продолжалъ Дамонъ, подавъ

„ ему

„ ему то письмо, которое Емилія писала „ къ Дерикуру, но въ число проступковъ „ моихъ не пріобщай злохищренія.„

Мерендоръ прочелъ въ слухъ письмо, по окончаніи котораго вскричала „ Викторія: „ О Боже! не ужъ ли вчерась „ я видѣла ту Емилію у Госпожи де-„ Жуанвиль, и о заблужденіи которой „ давича мы говорили, она только одна „ женщина, въ которой я могу упрекать „ себя, что способствовала ко утвержденію „ ея чаять меня своимъ любовникомъ.„

На это Дамонъ отвѣчалъ Викторіи, что очень не давно, какъ Емилія спознaлась съ Госпожею де-Жуанвиль.

„ Такъ ужъ и сомнѣнія въ томъ „ нѣтъ, сказала Уранія, это конечно „ она; какой нещастной случай подви-„ гнулъ ея къ намѣренію въѣхать въ „ тотъ домъ для встревоженія насъ? „

Послѣ сего Мерендоръ объявилъ Дамону обращеніе Емиліино съ Викторіей, чая быть ея мущиною: „ Смѣйтесь те-„ перь моему смущенію, вскричалъ Да-„ монъ, будьте свидѣтельми стыда мо-

„ его, отъ легковѣрія претерпѣваемаго,
„ Урачія, Мерендоръ и вы, которую я
„ только для того узналъ, чтобъ оби-
„ дѣть столь звѣрски; ахъ! ежелибъ вы
„ могли вообразить внутренное мое вол-
„ неніе отъ сего поступка, то конечно
„ почлибъ себя довольно отмщенну.

„ Дай Боже! чтобъ это послѣдней
„ проступокъ ты сдѣлалъ, отвѣчалъ
„ Мерендоръ; оставя неблагодарность,
„ которою ты за любовь нашу къ себѣ
„ платилъ, изъ насъ нѣтъ ни одного,
„ включая и Викторію тутъ же, которой
„ бы не согласился, забывъ всё, возобно-
„ вить дружбу искреннюю къ тебѣ.....
„ Только, я еще боюсь, чтобъ Эми-
„ лія.....

„ Не опасайся того, съ восхищеніемъ
„ перебилъ его рѣчь Дамонъ, невѣрность
„ ея хотя дѣломъ и не оказалась, но была
„ въ сердцѣ, и заблужденія, до кото-
„ рыхъ она меня довела, совершили не-
„ потребство ея; кого презираешь, того
„ уже любить не можно; и я о ней не
„ инако думаю, какъ съ ужасомъ;
„ даже имя ея стыжусь выговаривать, я
„ ужъ больше съ ней не увижусь, въ томъ

„ при-

„ присягаю ..... Такимъ образомъ Дамонъ „ обѣщался больше Емилію не любить. Все возможное извиненіе принесъ Викторіи въ горячности своей, во увѣреніе чего изъяснилъ раскаяніе столь чувствительное и столь искренное, что не можно было сомнѣваться въ намѣреніи его не допускать себя впредь впасть въ подобныя продерзости.

Съ того часа тишина и спокойствіе возобновились въ любезномъ обществѣ; Дамонъ извинителенъ, что повиновался первой слабости; да и естьли хотя одинъ человѣкъ, которой бы могъ оправдаться въ томъ проступкѣ, не льзя упрекнуть его, чтобъ онъ нарушилъ когда нибудь долгъ справедливости и любочестія. Хвалы достойной его нравъ утверждалъ безсомнѣнно въ безпритворной искренности той. Такое хорошее мнѣніе о немъ заставило Мерендора съ согласія Викторіина безо всякаго размышленія открыть Дамону причину одежды мужеской той молодой женщины, о всѣхъ обстоятельствахъ, прежде и послѣ послѣдуемыхъ, о причинѣ любви своей къ ней, наконецъ о взаимной ее страсти къ себѣ, что разсказавъ со всѣми околичностьми наи-

чувствительнымъ образомъ, сказалъ:
„Боже! дай тебѣ подобную судьбину;
„таковая только прилична твоему серд-
„цу, и такая только можетъ назвать-
„ся совершенно благополучной. Ахъ! Да-
„монъ, какъ пріятно признаваться себѣ
„въ таковыхъ сердечныхъ движеніяхъ,
„и какъ не стыдно побѣждену быть
„такими чувствами: конечно, сласто-
„любіе непорочное и истинное удовольствіе
„заключаются единственно въ союзѣ
„сердца, разума и разсудка; ежелижъ
„которое изъ сихъ чувствъ отдѣленно,
„тогда и благополучія не лзя ожидать.

Однакожъ злохищренная Емилія очень испужалась упрековъ и грозъ Дамоновыхъ; ибо не токмо она теряла въ немъ любовника, надъ которымъ владычествовала, но въ прибавокъ къ тому и Дерикура видѣла подверженна мщенію соперника озлобленнаго. Оное принудило ея не мѣшкавъ ѣхать въ Парижъ для свѣденія обстоятельнаго о поступкѣ Дамоновомъ.

Домъ Емиліинъ съ Дамоновымъ почти рядомъ были; сосѣдство такое ближнее служило ихъ любви удобностію для

сви-

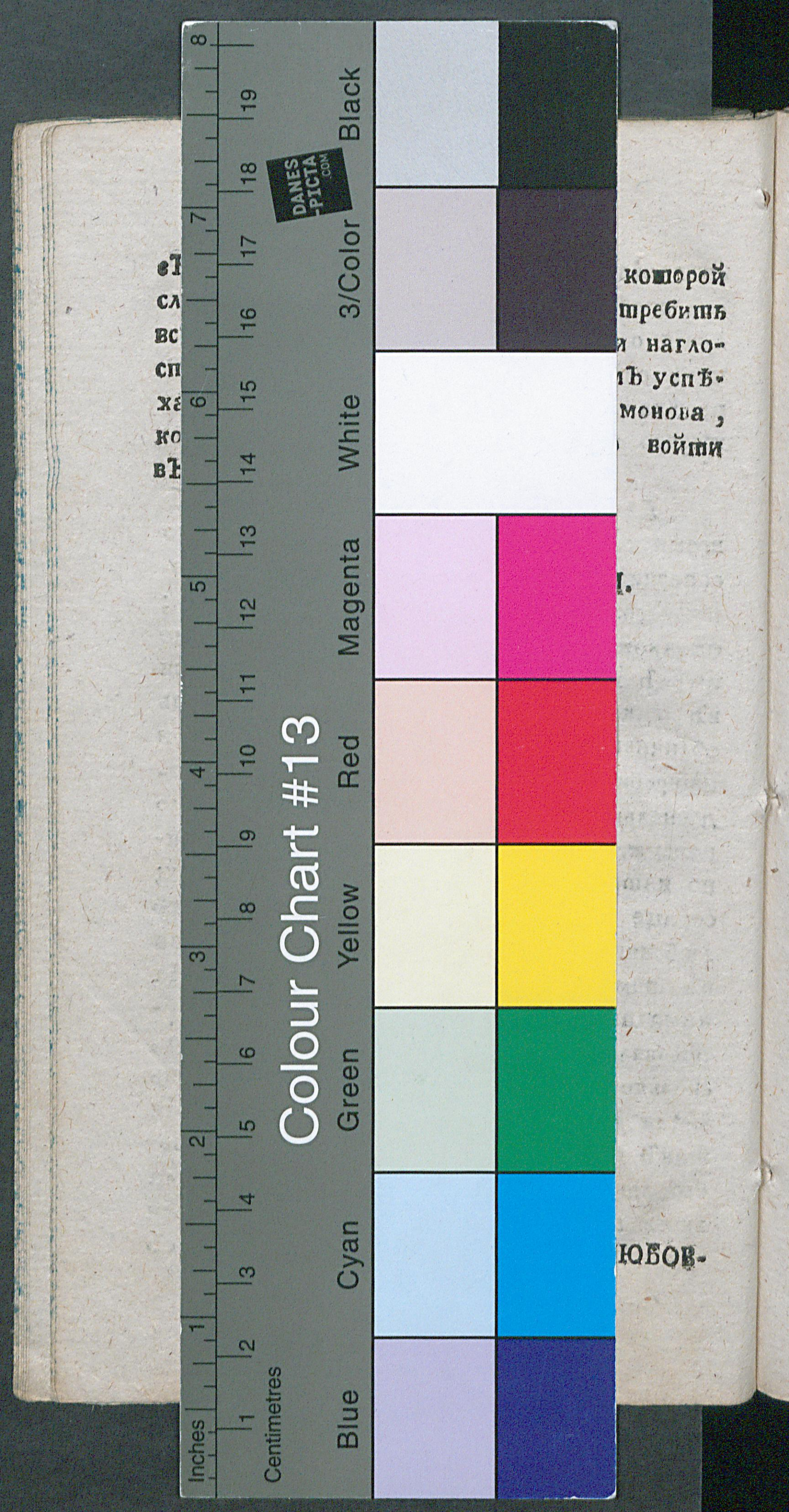
свиданія; въ приключившемся же случаѣ сей способъ служилъ ей и для освѣдомленія о поступкѣ Дамоновомъ, она тотчасъ свѣдала, что онъ прямо отъ нее проѣхалъ въ домъ къ Ураніи, изъ котораго выѣхалъ вмѣстѣ съ Мерендоромъ.

Дамонъ часто и спокойно провождалъ время свое въ обществѣ того щастливаго соперника; такое обстоятельство противуестественнымъ казалось Емиліи; однакожъ дружба, которую онъ прежде имѣлъ къ Мерендору, могла возобновиться въ такой случай, въ которой невѣрность обличившаяся препятствовала любви истребить изъ сердца Дамонова добродѣтельные совѣты друга его; то было разсужденіе Емиліино, которое совершенно истребило ея склонность къ Дерикуру; сердце ея огорченно стало потеряніемъ любовника, столь покорнаго себѣ, и хотя въ томъ содѣйствіи любовь соучастія нималаго не имѣла, но самолюбіе подѣйствовало въ сердцѣ ея столь сильно, сколько бы самая воспламененная страсть могла преклонить ее къ тому. Емилія такъ коротко знала слабость сердца своего любовника, что безсомнѣнна была вновь побѣдить его, лишь бы увидѣться

съ нимъ безъ свидѣтелей, въ которой случай способнымъ щитала употребить всѣ хитрости любви притворной и наглости, и для ускорительнаго въ томъ успѣха подкупила камердинера Дамонова, которой допустилъ ея вечеромъ войти въ кабинетъ своего господина.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЛЮБОВ-

еТ... которой
сл... потребить
вс... я нагло-
сп... мЪ успѣ-
ха... монова ,
ко... о войти
вЪ...

...и.

...любов-